

Государственные преступления по русскому праву.

Введение и I-я глава.

Сочинение

Д. А. Червонецкаго,

приватъ-доцента ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевского Университета.

Посмертное издание

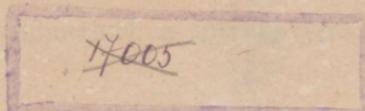
напечатано по постановленію Юридическаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО
Юрьевского Университета отъ 14 мая 1912 года,

подъ редакціей и съ предисловіемъ
ординарнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевского Университета

П. П. Пусторослева.

Esti
Uliöpilaste Sõnna
raamatukogu.
N° III 79
2634

5-A

ESTIOA

A-9484

est. A

Предисловіе.

22-го іюля 1911 года привать-доцентъ Императорскаго Юрьевскаго Университета Дмитрій Африкановичъ Червонецкій утонулъ во время купанья, въ Бильдерлингсгофѣ, на рижскомъ взморьѣ.

Умный, талантливый, энергичный человѣкъ погибъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, на зарѣ своей много обѣщавшей научной, преподавательской и адвокатской дѣятельности.

Главная и трудная работа послѣднихъ лѣтъ, работа Д. А. Червонецкаго надъ сочиненіемъ: „Государственныя преступленія по русскому праву“, предназначеннымъ къ представленію въ качествѣ диссертациі для приобрѣтенія ученой степени магистра уголовного права, была въ полномъ разгарѣ.

Сочиненіе было задумано авторомъ широко.

Онъ хотѣлъ основательно разработать свою тему съ помощью догматическаго метода, хотѣлъ правильно, ясно и точно изложить какъ общее понятіе о государственныхъ преступленіяхъ по русскому праву, такъ и понятія объ ихъ различныхъ подгруппахъ, родахъ и видахъ, а равно и наказуемость этихъ преступленій, съ точки зрѣнія нашего дѣйствующаго уголовного законодательства, и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣревался привести и оцѣнить толкованія этихъ законодательныхъ постановленій въ этихъ отношеніяхъ въ нашей судебной практикѣ и литературѣ.

Ясно сознавая всю важность историческаго освѣщенія дѣйствующихъ правовыхъ учреждений, онъ рѣшился выяснить, съ помощью историческаго метода, „основныя черты историческаго развитія государственныхъ преступленій по русскому праву“ и нерѣдко прибѣгалъ къ этому методу и въ другихъ случаяхъ.

Справедливо придавая важное значеніе въ дѣлѣ правильнаго выясненія и оцѣнки нашихъ правовыхъ учреждений знанію однородныхъ учреждений у иностранныхъ культурныхъ народовъ, Д. А. Червонецкій нерѣдко пользовался сравнительнымъ методомъ и посвятилъ цѣлую главу изложенію „системъ государственныхъ преступленій въ иностранномъ правѣ“.

Наконецъ, стремясь выяснить, какъ можно полнѣе и основательнѣе, каковы должны быть общія понятія о государственныхъ преступленіяхъ и общія понятія о различныхъ подгруппахъ, родахъ и видахъ этихъ преступленій, съ точки зрѣнія потребностей и условій жизни культурнаго народа, Д. А. Червонецкій пользовался уголовно-политическимъ методомъ и посвятилъ особую главу „понятію государственныхъ преступленій въ теоріи уголовного права“.

При такихъ задачахъ и пріемахъ разработки, при даровитости, трудоспособности и научной подготовленности автора къ этой работѣ, сочиненіе Д. А. Червонецкаго о государственныхъ преступленіяхъ по русскому праву обѣщало быть цѣннымъ вкладомъ въ науку уголовного права.

Авторъ много работалъ надъ своимъ сочиненіемъ и сильно подвинулъ его впередъ, но, къ сожалѣнію, далеко не успѣлъ довести его до конца. Смерть пресѣкла работу.

Автору удалось обработать по содержанію и подготовить для печати только введеніе и двѣ первыхъ главы.

Введеніе излагаетъ „основныя черты историческаго развитія государственныхъ преступленій по русскому праву“, I-я глава — „системы государственныхъ преступленій въ

иностранномъ правѣ“ и II-я — „систему государственныхъ преступленій по русскому праву“.

Всѣ эти части сочиненія Д. А. Червонецкаго о государственныхъ преступленіяхъ по русскому праву, уже сами по себѣ, имѣютъ несомнѣнное научное значеніе и, въ интересахъ литературы уголовного права, вполне заслуживаютъ появленія въ печати.

II-я глава уже напечатана, въ видѣ отдѣльной статьи, въ 1-мъ номерѣ „Журнала Уголовнаго Права и Процесса“ за 1912 г. По постановленію же Юридическаго Факультета Императорскаго Юрьевскаго Университета отъ 14 мая 1912 г. введеніе и I-я глава печатаются, подѣ моей редакціей, въ Ученыхъ Запискахъ этого Университета.

Текстъ этого введенія и I-й главы печатаются съ точностью, въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ-подъ пера автора. Мною исправлены лишь описки, и поставлено много красныхъ строкъ, не указанныхъ авторомъ. Я поставилъ красную строку каждый разъ, какъ только авторъ начиналъ, безъ нея, изложеніе мысли, очень сильно отличающейся отъ только что имъ изложенной, а въ сомнительныхъ случаяхъ оставлялъ изложеніе автора, безъ моего обозначенія красныхъ строкъ.

Что же касается до остальныхъ главъ этого сочиненія, то однѣ изъ нихъ не оказались въ бумагахъ Д. А. Червонецкаго, а другія написаны вчернѣ, не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ, и, согласно собственноручнымъ замѣткамъ автора на различныхъ страницахъ, нуждаются еще въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ.

Такъ, III-я глава должна была изложить „понятіе государственныхъ преступленій въ теоріи уголовного права“. Этой главы въ бумагахъ Д. А. Червонецкаго нѣтъ. Она указана лишь въ сохранившемся общемъ планѣ сочиненія Д. А. Червонецкаго: „Государственныя преступления по русскому праву“.

IV-я глава излагаетъ „бунтъ“, V-я — „оскорбленіе Величества и преступныя посягательства противъ достоинства верховой власти“, VI-я — „Преступныя посягательства противъ законодательныхъ палатъ“, VII-я — „государственную измѣну“ и VIII-я — „преступныя посягательства противъ иностранныхъ государствъ“. Эти пять главъ отличаются основательностью и богатствомъ содержанія, систематичностью и ясностью изложенія, но написаны только вчернѣ и не готовы для печати.

Вслѣдъ за VIII-й главой, судя по сохранившемуся общему плану разсматриваемаго сочиненія Д. А. Червонецкаго, должна была идти IX-я глава, подъ заглавіемъ: „Организація суда и порядокъ судопроизводства по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“, а за ней — предметный указатель и постатейный указатель.

Впослѣдствіи же авторъ рѣшился написать „заключеніе“ къ своему сочиненію и въ этомъ заключеніи хотѣлъ изложить „предположенія для будущаго законодательства“.

Къ сожалѣнію, ни IX-й главы, ни указателей, ни заключенія въ бумагахъ автора не оказалось.

Печатаемое оглавленіе введенія и I-й главы сочиненія Д. А. Червонецкаго: „Государственныя преступленія по русскому праву“ составлено мною, соотвѣтственно дѣйствительному содержанію этого введенія и I-й главы, съ помощью сохранившагося общаго плана всей работы, составленнаго самимъ авторомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что дѣйствительное содержаніе введенія и I-й главы не вполне соотвѣтствуетъ ихъ плану.

Государственныя преступленія по русскому праву.

Д. А. Червонецкаго.

Введеніе.

Основныя черты историческаго развитія государственныхъ преступленій по русскому праву.

Постановленія уголовного уложенія о государственныхъ преступленіяхъ образовались изъ цѣлаго ряда историческихъ наслоеній, ярко отражающихъ въ себѣ и духъ прошлыхъ вѣковъ, и психологію господствовавшей когда-то власти. Уходя своими историческими корнями въ глубину XVII вѣка, дѣйствующее законодательство о государственныхъ преступленіяхъ сохранило на себѣ не мало слѣдовъ стараго государственнаго уклада; въ новую законодательную форму облеклись здѣсь давно обветшалыя политическія и уголовно-юридическія идеи. Если вообще для пониманія существующаго права лучшимъ источникомъ часто служить его прошлое, то въ этомъ отношеніи знакомство съ историческимъ развитіемъ нормъ о государственныхъ преступленіяхъ представляется особенно цѣннымъ: едва-ли въ другой какой области нашего уголовного законодательства власть прошлаго надъ настоящимъ болѣе могущественна, чѣмъ въ отдѣлѣ о государственныхъ преступленіяхъ.

I.

§ 1. Государственное преступленіе такъ же старо, какъ и государство. Само собою понятно, разъ существуетъ государство въ той или другой его формѣ, — могутъ быть и преступники,

посягающіе на его бытіе и безопасность. Стара, подобно государству, и та карательная реакція, посредствомъ которой государственный организмъ отвѣчалъ на дѣянія, вредившія или угрожавшія его существованію. И прежде чѣмъ наше древнее законодательство упомянуло о государственныхъ преступленіяхъ, вѣроятно, немало уже „перевѣтниковъ“ и „коромолниковъ“ подверглось расправѣ со стороны населенія и государственной власти. Съ теченіемъ времени, изъ области фактическихъ отношеній государственныя преступленія переходятъ въ законодательство, глася, такимъ образомъ, начало своей догматикѣ.

Изъ всѣхъ жизненныхъ благъ, когда либо охранявшихся посредствомъ наказанія, самымъ цѣннымъ и важнымъ для всякой соціальной организаціи, безъ сомнѣнія, было и остается ея бытіе и безопасность. При всемъ различіи въ правахъ и нравахъ древнихъ соціальныхъ группъ общимъ для этихъ группъ было то, что дѣяніе, вредившее или угрожавшее ихъ существованію, всегда и вездѣ считалось самымъ тяжкимъ преступленіемъ и вызывало противъ себя стихійно жестокою реакцію. Государственное преступленіе древнихъ эпохъ являлось не чѣмъ инымъ, какъ посягательствомъ противъ самого общежитія и носило ярко выраженный антисоціальный характеръ¹⁾. Такими чертами характеризуется, напр., государственное преступленіе въ римскомъ²⁾ и древнегерманскомъ правѣ³⁾; антисоціальный характеръ государ-

1) Makarewicz, Einführung in die Philosophie des Strafrechts auf entwicklungsgeschichtlicher Grundlage, 1906, S. 125—135. По взгляду автора, государственное преступленіе древняго права — Verrat — заключало въ себѣ „квинтъ-эссенцію антисоціального дѣянія“. Пользуясь извѣстнымъ терминомъ „delitto naturale“, Макаревичъ называетъ измѣну „естественнымъ преступленіемъ“.

2) Зерномъ, изъ котораго у римлянъ развились постановленія о государственныхъ преступленіяхъ, было древнѣйшее преступленіе публичнаго уголовного права — perduellio. Подъ именемъ perduellio разумѣлось непосредственное посягательство противъ общежитія. Слово „perduellis“ служило для обозначенія какъ врага, такъ и того гражданина, который дѣйствовалъ вмѣстѣ съ врагомъ. Perduellio, это — враждебное странѣ дѣяніе и, прежде всего, побѣзъ къ неприятелю. — van Calker, Hochverrat und Landesverrat. Majestätsbeleidigung. Vergl. Darstellung des Deutschen und Ausländischen Strafrechts. Bes. Teil. Bd. I, 1906, S. 2; Mommsen, Römisches Strafrecht, 1899, S. 105, 537, 540; Mommsen-Binding, Zum ältesten Strafrecht der Kulturvölker, 1905, S. 37; Pollock, Der Majestätsgedanke im römischen Recht, 1908, S. 147, 148.

3) Подобно perduellio, государственное преступленіе древне-герман-

ственного преступленія выступаетъ также въ постановленіяхъ нашихъ древнихъ памятниковъ.

Почва, на которой выросло наше дѣйствующее законодательство о государственныхъ преступленіяхъ, была дана постановленіями Соборнаго Уложенія, но первыя упоминанія объ этихъ преступленіяхъ встрѣчаются въ болѣе раннихъ памятникахъ, въ Псковской судной грамотѣ и Судебникахъ.

Объ измѣнѣ, этомъ первообразѣ государственныхъ преступленій, говоритъ Псковская судная грамота, карающая смертной казнью перевѣтника: „А кримскому татю и коневому, и перевѣтнику, и зажигалнику, тѣмъ живота не дати“ (ст. 7)¹⁾ *]. Подъ именемъ перевѣтника разумѣлся измѣнникъ, передающій непріятелю тайныя вѣсти²⁾. Во всѣхъ почти древнихъ законодательствахъ преступленіемъ военной измѣны начинается исторія государственныхъ преступленій. Преступленіе это, очевидно, имѣло широкое распространеніе въ военномъ быту древнихъ государствъ, и едва-ли поэтому составителямъ Псковской грамоты нужно было обращаться къ градскимъ законамъ для того, чтобы заимствовать оттуда постановленіе относительно перевѣтничества³⁾.

скаго права, Verrat обнимало собою дѣянія, направленные противъ интересовъ общегитія. Субъективный моментъ, окрашивавшій это преступленіе, заключался въ нарушеніи виновнымъ долга вѣрности своему народу. Преступникъ, подвергавшій опасности общегитіе, разсматривался, какъ измѣнникъ. — van Calker, op. cit., S. 3; Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, Bd. II, 1892, S. 685; Wilda, Das Strafrecht der Germanen, 1842, S. 984; Visoukides, Der Hochverrat, 1903, S. 34.

1) Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія по исторіи русскаго права. В. I, 1899, с. 150.

*] Примѣчаніе редактора: Эта статья Псковской Судной Грамоты принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя были приняты Псковскимъ Вѣчемъ въ 1397 году. М. Н. Яенискій — Лекціи по вѣднней исторіи русскаго права. Кіевъ, 1898, Вып. I, с. 147, 151.

2) Устряловъ, Изслѣдованіе Псковской судной грамоты, с. 146; Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, 1903, с. 440; Загоскинъ, Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, 1892, с. 31.

3) Акад. М. А. Дьяконовъ предполагаетъ, что разсматриваемое постановленіе Псковской грамоты могло быть позаимствовано изъ Градскихъ законовъ, гдѣ стоитъ: „раждажая на брань ратныя или предавая противнымъ своя, главы усѣченіемъ мучится“ (Гл. XXXIX, 1). Очерки исторіи русскаго права. Исторія уголовного права и судопроизводства. 1905, с. 37. Подобное же предположеніе высказываетъ проф. В. И. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, с. 440.

Въ XV и XVI в. в. Судебниками назначается смертная казнь „коромолнику“ и „градскому сдавцу“¹⁾. На языкѣ древнихъ памятниковъ „коромола“ значила, однако, не только измѣну и мятежь, но и нарушеніе довѣрія по отношенію къ частному лицу²⁾.

Ни Псковская судная грамота, ни Судебники не выдѣляютъ еще государственныхъ преступниковъ въ особую категорію, а помѣщаютъ ихъ въ общей группѣ наиболѣе вредныхъ для общежитія преступниковъ, вѣдомыхъ лихихъ людей. Изъ этой „систематики“ болѣе или менѣе отчетливо выступаетъ основная идея закона — дать охрану интересамъ общежитія, населенію и территоріи. О верховной власти, какъ ясно выраженномъ объектѣ государственныхъ преступленій, до Соборнаго Уложения въ законодательствѣ нѣтъ упоминанія, несмотря на то, что печальной памяти практика того времени давала въ области политическаго преслѣдованія неисчерпаемый матеріалъ. Но въ глазахъ верховной власти преступления этого рода были только ея частнымъ дѣломъ, государственные преступники разсматривались большей частью, какъ личные враги главы государства. Понятно, здѣсь не могло быть мѣста карательному закону, который служилъ бы только помѣхою для расправы верховной власти съ ея недругами.

§ 2. Но, по мѣрѣ того, какъ росла и крѣпла идея государственности, получали законодательное нормированіе государственныя преступленія: возникалъ законъ такой же широкой, какъ и самъ произволъ, который, не умирая, всегда шелъ съ нимъ рядомъ. И вотъ, въ новомъ юридическомъ обликѣ выступаютъ государственныя преступленія на знаменитомъ свиткѣ Соборнаго Уложения, постановленія котораго опредѣлили объемъ и содержаніе этихъ преступленій для всего ихъ послѣдующаго развитія. Вторая глава Уложения: „о Государской чести, и какъ Его Государское здоровье оберегать“ и еще нѣсколько статей памят-

1) Ст. 9 Судебника 1497 г. гласить: „А государскому убойцѣ, и коромолнику, церковному татю и головному, и подметчику, и закигалнику, вѣдомому лихому человекѣ живота не дати, казнити его смертною казнью“. Въ Судебникахъ царскомъ (ст. 61) и Феодора Иоанновича 1589 г. (ст. 115) рядомъ съ коромольникомъ упоминается еще „градскій сдавецъ“. Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія по ист. русск. права, В. II, 1901, с. 85 и 152. — Судебникъ царя Феодора Иоанновича 1589 г. По списку собранія Г. Г. Мазурина, 1900, с. 33.

2) Сергѣевичъ, Опыты изслѣдованія обычнаго права. Наблюдатель, 1882, № 2, с. 227; Лекціи и изслѣдованія. с. 29—39, 440—441.

ника заключали въ себѣ тѣ карательныя нормы, которыми впервые вооружился у насъ абсолютизмъ и съ ними проходилъ свой историческій путь. Въ этихъ постановленіяхъ Уложенія нельзя, однако, видѣть самобытнаго продукта національнаго творчества: чужеземныя начала, влившіяся въ Уложеніе черезъ Литовскій Статутъ и Кормчую¹⁾, сообщили свою окраску многимъ статьямъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Центральнымъ пунктомъ въ конструкціи государственныхъ преступленій по Уложенію является Величество Государя, отсюда преступленія эти разсматриваются законодателемъ, какъ „великое Государево дѣло“ (II, 12, 16 и 17). Къ области „великихъ дѣлъ“ (II, 13) Уложеніе относитъ слѣдующія три группы преступленій: 1) злой умыселъ на Царское Величество, 2) измѣну или „измѣнное дѣло“ (II, 13) и 3) сговоръ и заговоръ противъ государя, а равно подчиненныхъ органовъ власти.

I. Во главѣ государственныхъ преступленій Соборное Уложеніе ставитъ „злое умышленіе“ противъ личности Государя (II, 1). Объектомъ охраны, согласно тексту первой статьи, является „государское здоровье“, тѣлесная неприкосновенность государя. Что касается „государской чести“, то о ней Соборное Уложеніе упоминаетъ въ заглавіи второй главы и этимъ ограничивается: преступленія противъ чести государя не предусматриваются Уложеніемъ. Еслибы XVII вѣкъ считался съ принципомъ „*nullum crimen sine lege*“, то изъ молчанія Уложенія можно было бы заключить, что честь государя не пользовалась въ то время уголовной охраной. Дѣйствительность, однако, показываетъ иное: по сообщенію Котошихина, „за царское безчестіе, кто говоритъ про него за очи безчестное, или иные какіе поносныя слова, бивъ кнутомъ вырѣзываютъ языкъ“²⁾. Такимъ образомъ, наказуемость посягательствъ на „государскую честь“ не регулировалась закономъ, а была предоставлена личному усмотрѣнію Государя, какъ его частное дѣло. Напротивъ, посягательства на „честь государева двора“ нашли себѣ мѣсто въ Уложеніи, которое посвящаетъ имъ третью главу: „о Государевѣ дворѣ, чтобъ на Государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было“. Въ противоположность „государской чести“, охрана

1) Линовскій, Изслѣдованіе началъ угол. права, изложенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, 1847, с. 17 и 18; Загоскинъ, в. с., с. 45.

2) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, 1884, с. 131.

которой носила субъективный характеръ, „честь государева двора“ разсматривается Уложениемъ, какъ нѣчто объективное, подлежащее опредѣленной карательной оцѣнкѣ.

Съ внутренней стороны, преступное дѣяніе, предусмотрѣнное первой статьей Уложения, состоитъ въ томъ, что виновный „на Царское Величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ“, т. е. для состава преступления достаточно одного голаго умысла на совершеніе злого дѣла противъ государя.

II. Между государственною измѣною и преступленіемъ противъ государя въ уложеніи не проводится еще отчетливой границы. Съ давнихъ временъ, въ представленіи верховной власти измѣна являлась не столько посягательствомъ на внѣшнюю безопасность государства, сколько дѣяніемъ, непосредственно направленнымъ противъ носителя верховной власти: это было нарушеніе державныхъ правъ государя и вмѣстѣ съ тѣмъ посягательство на его владѣнія. Какъ отдѣльные виды измѣны, Уложениемъ предусматриваются: 1) лишеніе государя престола и помощь „Государевымъ недругамъ“ (II, 2), 2) сдача города „Царскаго Величества недругу“ (II, 3), 3) передача вѣсти неприятелю (VII, 20) и 4) поѣздка въ чужое государство для измѣны (VI, 3).

1). Измѣнникомъ, согласно ст. 2 Уложения, считается, прежде всего, тотъ, „кто при державѣ Царскаго Величества, хотя Московскимъ Государствомъ завладѣтъ и Государемъ быть, и для того своего злова умышленія начнетъ рать собирать“. Именемъ измѣны въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, обозначается посягательство на державныя права государя. Преступленіе является окончаннымъ въ стадіи приготовленія; для состава преступления недостаточно одного „злова умышленія“, — послѣднее должно выразиться въ собираніи войска съ цѣлью завладѣтъ Московскимъ Государствомъ.

Другое преступленіе, предусмотрѣнное ст. 2 Уложения, представляетъ собою измѣническое способствованіе неприятелю. Виновнымъ въ этомъ преступленіи признается тотъ, „кто Царскаго Величества съ недруги учнетъ дружитися, и совѣтными грамотами ссылатися, и помощь имъ всячески чинити, чтобы тѣмъ Государевымъ недругамъ, по его ссылкѣ, Московскимъ Государствомъ завладѣтъ, или какое дурно учинить“.

2). Далѣе, Соборное Уложеніе угрожаетъ смертною казнью тому, кто Царскаго Величества недругу городъ сдастъ измѣною (ст. 3). Но, если „кто умышленіемъ и измѣною городъ зажжетъ

или дворы“, то за такое „воровство“ Уложение повелѣваетъ и самого виновника „сечь безъ всякаго милосердія“ (ст. 4). Одинаково съ измѣнникомъ, сдавшимъ непріятелю городъ, карается по ст. 3 Уложения также и тотъ, „кто Царскаго Величества въ города приметъ изъ иныхъ государствъ зарубежныхъ людей для измѣны же“.

3). Въ главѣ VII „о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго Государства“ Уложение помѣщаетъ тотъ видъ измѣны, который Псковская судная Грамота называетъ „перевѣтничествомъ“. Дѣяніе виновнаго состоитъ въ томъ, что онъ, „будучи на Государевѣ службѣ въ полкѣхъ учнетъ измѣною изъ полковъ переѣзжати въ непріятельскіе полки, и въ непріятельскихъ полкѣхъ сказывати про вѣсти и про Государевыхъ ратныхъ людей“ (ст. 20).

4). Наконецъ, Уложение караетъ какъ измѣнника того, кто „ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжія грамоты для измѣны, или для инаго какова лиха дѣла“ (VI, 3).

III. Существенными признаками скопа и заговора, по Уложению, являются массовый характеръ преступленія и насильственный образъ дѣйствій виновныхъ. Въ качествѣ объектовъ уголовной охраны выступаютъ государь, а также подчиненные ему органы власти. Соборное Уложение угрожаетъ смертною казнью „безъ всякія пощады“ тѣмъ людямъ, которые будутъ „къ Царскому Величеству, или на Его Государевыхъ Боярь и Окольныхихъ и Думныхъ и ближнихъ людей, и въ городѣхъ и въ полкѣхъ на Воеводу, и на приказныхъ людей, или на кого ни буди приходити скопомъ и заговоромъ, и учнутъ кого грабити, или побивати“ (II, 21). Преступленіе должно быть учинено „самовольствомъ“; преступность дѣянія отпадаетъ въ томъ случаѣ, если къ воеводамъ или приказнымъ приходили „немногіе люди“, приходили „для челобитья, а не для воровства“ (ст. 22).

Обобщая постановленія Соборнаго Уложения о государственныхъ преступленіяхъ, нужно сказать, что послѣднія направлялись: или противъ жизни, тѣлесной неприкосновенности и державныхъ правъ государя, а равно противъ органовъ его власти, или противъ цѣлости и безопасности государства. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ посягалъ на цѣлость и безопасность государства, по конструкціи Уложения, онъ совершалъ преступленіе противъ Царскаго Величества. Такимъ образомъ, Величество Государя было общимъ объектомъ государственныхъ преступленій;

робко и въ неясныхъ чертахъ обрисовывается государственная территория; объ интересахъ же населенія, намѣчавшихся въ прежнихъ памятникахъ, теперь нѣтъ помину.

Съ внѣшней стороны своего состава государственныя преступленія, по Уложенію, выражаются въ рядѣ дѣйствій, каковы: посягательство на жизнь или тѣлесную неприкосновенность государя (II, 1), собираніе войска для захвата верховной власти, сношенія съ государевыми недругами (II, 2), измѣнническая сдача или поджогъ города, предоставленіе убѣжища измѣнникамъ (II, 3 и 4), сообщеніе непріятелю вѣстей (VII, 20), поѣздка для измѣны въ чужое государство (VI, 3) и, наконецъ, массовое движеніе народа противъ государственной власти, сопровождающееся насиліями (II, 21). По своему содержанію, преступная дѣятельность въ государственныхъ преступленіяхъ представляетъ собою: или причиненіе вреда государю и государству, или созданіе опасности для неприкосновенности государя съ подчиненными ему органами власти, а равно для самого существованія государства. Государственное преступленіе могло быть осуществлено какъ путемъ положительной дѣятельности, такъ и посредствомъ бездѣйствія: недоношеніе о „великомъ государевомъ дѣлѣ“ въ глазахъ законодателя имѣетъ то же самое значеніе, что и активное осуществленіе преступленія.

Съ внутренней стороны для состава государственныхъ преступленій Уложеніе требуетъ наличности умысла; оно освобождаетъ отъ наказанія женъ и дѣтей, которыя „не вѣдали“ объ измѣнѣ ихъ мужей и отцовъ (II, 7).

Что касается стадій осуществленія государственныхъ преступленій, то уложеніе уравниваетъ голый умыселъ и пригото-вленіе съ самымъ совершеніемъ преступленія (II, 1 и 2).

Единственнымъ наказаніемъ за государственныя преступленія является по Уложенію смертная казнь, одинаково постигающая какъ главныхъ виновниковъ, такъ пособниковъ и недонсителей (II, 3, 6, 9, 19). Въ одномъ случаѣ Уложеніе предоставляетъ всякому частному лицу расправляться съ государственнымъ преступникомъ: согласно ст. 15 второй главы Уложенія, если „кто измѣнника догнавъ на дорогѣ убьетъ, или поймавъ приведетъ къ государю: и того измѣнника казнить смертью; а тому, кто его приведетъ или убьетъ, дати Государево жалованье изъ его животовъ, что государь укажетъ“.

§ 3. Государственные преступления введены были Соборным Уложением въ широкое законодательное русло, по которому, казалось, могло бы свободно протекать ихъ дальнѣйшее развитіе. Однако, недолго оставались эти преступления въ своихъ первоначальныхъ границахъ. Не сдерживаемая общими нормами закона разворачивается безбрежная казуистика государственныхъ преступлений, и въ ея бурномъ разливѣ временами тонуть и исчезаютъ постановленія Уложения. Напрасно было бы искать здѣсь терминологіи, вполне устойчивой и точной. „Воровство“, „измѣна“, „мятежь“, „бунтъ“, „смута“, „возмущеніе“, „шатость“, „непристойныя, неистовыя слова“, „прелестническія рѣчи“ — вотъ наиболѣе употребительныя выраженія въ пестрой терминологіи государственныхъ преступлений. „Воровство“ было общимъ названіемъ для всѣхъ государственныхъ преступлений. Слово „измѣна“ одинаково обозначало преступления, какъ противъ личности государя, такъ и противъ внутренняго государственнаго строя. Но главнымъ образомъ названіе это примѣнялось къ посягательствамъ на вѣдшнюю безопасность государства; нарушеніе долга вѣрности государю являлось существеннымъ признакомъ, дававшимъ субъективную окраску различнымъ видамъ измѣны. Менѣе широкимъ представляется объемъ „мятежа“ и „бунта“: конкурируя между собою въ законодательныхъ памятникахъ, бунтовщикъ и мятежникъ неизмѣнно оставались нарушителями внутренняго порядка государственной жизни.

Что касается содержанія государственныхъ преступлений, то своею пестротой и неопредѣленностью оно далеко оставляло за собою ихъ терминологію. Не столько разумъ, сколько инстинктъ подсказывалъ законодателю, противъ какихъ дѣяній, мыслей и настроеній должна направляться карательная реакція. И расплываясь въ многословіи, нанизывая безъ числа свои излюбленные термины, ихъ своеобразною цѣлью силится охватить законодатель всѣ оттѣнки политической преступности. Щедрою рукою разсыпалъ онъ повсюду характеристики „воровскихъ людей — измѣнниковъ и мятежниковъ“, не уставая въ повтореніяхъ, не замѣчая противорѣчій. И въ лабиринтѣ указовъ и судебной практики терялись ясныя очертанія государственнаго преступления, и юридически безграничной становилась его природы. Въ числѣ государственныхъ преступниковъ оказывались: губной староста, который „въ отпискѣ своей Великаго Государя именованіе прописалъ“, и губной дьякъ, который „ту отписку читалъ передъ Разбойнымъ прика-

зомъ“¹⁾; тюремный сидѣлецъ, подозрѣваемый въ „неистовомъ“ словѣ, будто онъ своего товарища по тюрьмѣ царемъ обозвалъ²⁾; тѣ „воры разныхъ чиновъ, худые людшики“, которые въ 1662 г. на Москвѣ „учинили мятежъ“, „заворовали“ и били челомъ тишайшему царю „съ большимъ невѣжествомъ“³⁾. Въ исторической галереѣ государственныхъ преступниковъ видны и другія „тѣни прошлаго“. Вотъ проходятъ: измѣнники, „богопротивные“ воры, клятвопреступники запорожскіе гетманы⁴⁾, и окутанный поэтической дымкою легенды „воръ, Донской казакъ“ Стенька Разинъ, который, „отступя отъ Бога и отъ Святыя Церкви, Ему Великому Государю... и Его Государскимъ благороднымъ чадамъ... и всему Московскому Государству“ измѣнилъ⁵⁾, и самозванецъ, затѣявшій „самое великое и несбыточное дѣло,“⁶⁾ и длинные ряды побѣжденныхъ стрѣльцовъ, и множество опальныхъ бояръ проходить здѣсь. Посягая на государя и государство, преступники той эпохи вмѣстѣ съ тѣмъ являлись посягателями противъ самого Бога и православной церкви. Поэтому, къ политическимъ репрессіямъ со стороны государственной власти въ особенно важныхъ случаяхъ присоединялось церковное проклятіе и отлученіе виновнаго отъ церкви⁷⁾.

Преступленія кн. Хованскихъ квалифицировались, какъ „воровскія дѣла“, „измѣна и подѣ Государствомъ Московскимъ подысканія.“ Сюда были, между прочимъ, включены: нѣсколько случаевъ неисполненія виновными царскихъ приказовъ — ослушаніе, самовольство и великая ихъ гордость; рядъ должностныхъ нарушеній, соотвѣтствующихъ современнымъ понятіямъ превышенія и бездѣйствія власти; неправда и лукавство Ив. Хованскаго при его докладахъ Государямъ; наконецъ, все вообще поведеніе виновныхъ, которымъ они „Государству приносили поношеніе и убы-

1) Пол. Собр. Зак. № 351. Указъ 1663 г., сент. 26.

2) Пол. Собр. Зак. № 362. Указъ 1664 г., сент. 13.

3) Пол. Собр. Зак. № 325. Грамота въ Пермь Великую, въ Чердынь и въ Соликамскъ. 1662 г. іюля 27.

4) Пол. Собр. Зак. № 236. Грамота Полтавскаго полка Полковнику, Старшинамъ, Войску и всѣмъ Малороссійскимъ жителямъ. 1658 г., сент. 23. — № 435. Грамота Малороссійскимъ Полковникамъ, Старшинамъ и всему Запорожскому войску. 1668 г., сент. 20.

5) Пол. Собр. Зак. № 503. Сказка о Стенькѣ Разинѣ. 1672 г. генв. 15.

6) Пол. Собр. Зак. № 589. Похвальная Грамота Кошевому Атаману Ивану Сѣрку и всему Войску Запорожскому. 1674 г. сент. 18.

7) Пол. Собр. Зак. № 503. Сказка о Стенькѣ Разинѣ.

токъ, а Ихъ Великихъ Государей имени на вѣчную хвалу и всему Государству къ прибыли ничего не учинили“¹⁾).

Въ 1682 году подверглись „ссылкѣ стрѣльцы и иныхъ чиновъ люди за смутныя и за иныя непристойныя и Московскаго смутнаго времени за похвальныя слова“. А въ концѣ этого года появился широковъщательный указъ²⁾, въ которомъ говорилось, что если кто „услышитъ про Великихъ Государей отъ кого какія непристойныя слова, или на Бояръ и на Думныхъ и на Ближнихъ и Московскихъ и иныхъ всякихъ чиновъ на людей какіе злые умыслы или похвальныя слова, или какіе люди учнутъ такія жъ слова вмѣщать на смуту или говорить какія непристойныя рѣчи, или объявятся у нихъ гдѣ отъ кого какія прелестныя и смутныя письма“, тотъ долженъ „тѣхъ людей имать и приводить и письма приносить въ Стрѣлецкой приказъ; а у себя такихъ и иныхъ никакихъ воровскихъ людей не держать и нигдѣ не укрывать и имъ ни въ чемъ не помогать и никакихъ прелестныхъ писемъ у себя не таять“. Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ повелѣваетъ сосланнымъ стрѣльцамъ „отъ всякаго дурна перестать совершенно, и Имъ, Великимъ Государямъ, служить вѣрно безъ всякія измѣны и шатости, и ни къ какимъ прелестямъ и къ смутѣ не приставать никакими вымыслами“. За начинаніе подобныхъ „воровскихъ дѣлъ“ указъ угрожаетъ смертною казнью: „А буде кто изъ нихъ, презрѣвъ Ихъ Великихъ Государей премногую и великую милость, въ какомъ мѣстѣ нибудь прежнее дѣло учнетъ хвалить, или похваляться смертнымъ убивствомъ, или затѣвать для смуты какія вымышленныя слова также, какъ и прежде сего, или будетъ кто учнетъ какую смуту къ воровству заводить, или кто про то вѣдая, не извѣститъ, и того вора не поймаетъ и учинить ему попоровку: и таковыхъ за начинаніе тѣхъ ихъ воровскихъ дѣлъ казнить смертию, безъ всякаго милосердія, чтобы ворами и мятежникамъ о томъ было страшно и помышлять, не токмо затѣвать“.

Въ слѣдующемъ году вновь пришлось законодателю повторить тотъ же свой запретъ, „чтобъ всякихъ чиновъ люди мимошедшаго смутнаго времени никакими мѣрами не похваляли и ни-

1) Пол. Собр. Зак. № 954. Приговоръ, объявленный начальствовавшему надъ Стрѣльцами Князю Ивану и сыну его Кн. Андрею Хованскимъ. 1682 г. сент. 17.

2) Пол. Собр. Зак. № 978. Именной, объявленный Розряду изъ Стрѣлецкаго Приказа. 1682 г. дек. 31.

какихъ непристойныхъ словъ, на смуту и на страхованіе и на соблазнъ людямъ, не говорили, и никакихъ затѣйныхъ дѣлъ не вмѣщали“¹⁾. Однако здѣсь законодатель пытается уже индивидуализировать отвѣтственность виновниковъ, различаетъ малыя и большія ихъ вины и повелѣваетъ „за малыя вины чинить наказаніе, бить кнутомъ и батоги, смотря по винѣ и по человѣку, и давать на поруки, что имъ впредь такихъ дѣлъ не затѣвать“. — Въ другомъ указѣ 1683 г. повелѣвалось за произнесеніе возмутительныхъ словъ подвергать виновныхъ, вмѣсто смертной казни, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ разные города²⁾.

Вина кн. Василю и Алексѣя Голицыныхъ состояла въ томъ, что они, „угождая и доброхотствуя“ сестрѣ Великихъ Государей, царевнѣ Софіи, „о всякихъ дѣлѣхъ, мимо Ихъ Великихъ Государей, докладывали, а Имъ Великимъ Государемъ о тѣхъ дѣлѣхъ было неизвѣстно и во всякихъ дѣлѣхъ Сестру Ихъ Великихъ Государей писали обще съ Ними Великими Государями“. Кромѣ того, въ вину кн. Василю Голицыну ставился еще безрезультатный его походъ противъ крымскаго хана: виновный „своимъ нерадѣніемъ Ихъ Великихъ Государей казнѣ учинилъ великіе убытки, а Государству разореніе и людямъ тягость“³⁾.

Огромнымъ пожаромъ пронеслись въ концѣ XVII в. стрѣлецкіе бунты, залитые кровью ихъ участниковъ. Не о регламентаціи государственныхъ преступленій было въ то время думать верховной власти, самолично взявшей въ руки топоръ для того, чтобы безъ остатка истребить враждебные ей элементы. Въ 1689 г. велѣно было: „ворамъ и измѣнникамъ и бунтовщикамъ Ѳедкѣ Шакловитову съ товарищи... учинить указъ по Своему Великихъ Государей указу и по Уложенью: вора и измѣнника и бунтовщика Ѳедку Шакловитова казнить смертью за то, что онъ, забывъ страхъ Божій, и Ихъ Государское крестное цѣлованіе“, умышлялъ убить государя Петра Алексѣевича съ матерью, а также говорил о нихъ „многія непристойныя слова, которыхъ не только говорить, и мыслить недостойно“⁴⁾.

Въ это же время сожжены были въ срубѣ на болотѣ тѣ волхвы, которые гадали „на костяхъ и на деньгахъ и на водѣ“

1) Пол. Собр. Зак. № 1014. Ук. 1683 г. мая 21.

2) Пол. Собр. Зак. № 1002. Ук. 1683 г. марта 22.

3) Пол. Собр. Зак. № 1348. Ук. 1689 г. сент. 9.

4) Пол. Собр. Зак. № 1349. Ук. 1689 г. сент. 11.

о государѣ, о бунтѣ и о „убивствѣ на Боярь“ и которые, посредствомъ колдовства, хотѣли вызвать благорасположеніе государя¹⁾.

Преступленія Соковнина, Циклера, Пушкина и др. квалифицировались, какъ „воровство“, „измѣна“ и „крестопреступство“. Смертной казни подверглись, кромѣ главныхъ виновниковъ, также два стрѣльца, Васька Филповъ и Ѳедька Рожинъ и донской казакъ Петрушка Лукьяновъ. Вина ихъ состояла въ томъ, что „они Васька и Ѳедька, слыша отъ нихъ воровъ и измѣнниковъ Ивашки Циклера и Ѳедьки Пушкина такія ихъ воровскія умысленныя слова, про то Государево убивство Ему Великому Государю не извѣстили, а послѣ тѣхъ ихъ воровскихъ словъ и сами они Васька и Ѳедька, да Донской казакъ Петрушка, межъ себя, говорили о бунтѣ и къ Московскому разоренью“²⁾. Наказаніе распространялось и на потомство преступниковъ: въ 1697 г. подвергались ссылкѣ сыновья и внуки съ женами и дѣтьми за „воровство“ отца и дѣда ихъ „Алешки Соковнина“³⁾.

Но вотъ враждебное Петру движеніе было сломлено: торжественно, какъ триумфъ побѣдителя, прошли одна за другою массовыя стрѣлецкія казни. Русская жизнь вступила въ полосу преобразованій, и непрерывнымъ дождемъ полились петровскіе указы. Мѣсто бунтовщиковъ и мятежниковъ заняли „преступники указовъ“; массовое стихійное движеніе противъ государственной власти московской Руси смѣнилось болѣе индивидуальнымъ и абстрактнымъ нарушеніемъ государева указа. Коллективныя формы государственныхъ преступленій теперь надолго исчезаютъ, и лишь при Екатеринѣ II старая форма преступности была воскрешена въ пугачевщинѣ.

II.

§ 4. Преслушаніе воли государя — вотъ единственный, сколько-нибудь уловимый общій признакъ, которымъ можно характеризовать понятіе государственнаго преступленія петровской эпохи.

На первомъ мѣстѣ стоялъ здѣсь „самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не дол-

1) Пол. Собр. Зак. № 1362. Ук. 1689 г. дек. 23.

2) Пол. Собр. Зак. № 1575. Обнародованіе объ учиненной казни преступникамъ, умышлявшимъ на жизнь Царя Петра Алексѣевича и слѣдственнаго по сему дѣла. 1697 г. марта 4.

3) Пол. Собр. Зак. № 1577. Ук. 1697 г. марта 20.

женъ“¹⁾ и своею мощною фигурою заслонялъ государство. И если въ московскомъ періодѣ государственное преступленіе направлялось противъ государя и государства, то теперь оно рѣзко обособилось на личности монарха, воплотившаго въ себѣ идею государства. Никогда, ни прежде, ни послѣ „государевы слово и дѣло“ не достигали такого разцвѣта, какъ въ петровское время. „Хулительныя слова“ противъ особы государя и разсужденія „непристойнымъ образомъ“ объ его мѣропріятіяхъ представляли собою ту общую формулу государственнаго преступленія, въ которую практика Преображенскаго Приказа безпрепятственно могла вливать по истинѣ чудовищное содержаніе. Военскій Уставъ угрожаетъ смертною казною тому, „кто противъ Его Величества особы хулительными словами погрѣшить, Его дѣйство и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ“ (арт. 20). Въ качествѣ оскорбителя Величества наказывается четвертываніемъ подданный, поднявшій оружіе противъ Его Величества, или умышлявшій „помянутое Величество полонить или убить“, или учинившій „какое Ему насильство“. Одинаковой отвѣтственности подвергаются и всѣ тѣ, „которые въ томъ вспомогали, или совѣтъ свой подали“ (арт. 19). Въ толкованіи къ 19 артикулу поясняется, что „такое же равное наказаніе чинится надъ тѣмъ, котораго преступленіе хотя къ дѣйству и не произведено, но токмо его воля и хотѣніе къ тому было, и надъ онымъ, который о томъ свѣдомъ былъ, а не извѣстилъ“. — Не столько внутреннюю безопасность государства, сколько спеціальныя интересы военной дисциплины охранялъ законодатель, угрожая висѣлицею за „всякой бунтъ, возмущеніе и упрямство“ (арт. 137). Исключительно интересамъ войска и военнаго могущества служили также многочисленныя постановленія Устава „о измѣнѣ и перепискѣ съ непріятелемъ“ (Гл. XVI).

§ 5. Военскіе Артикулы, подобно ихъ предшественнику, Соборному Уложенію, не могли задержать указной практики о государственныхъ преступленіяхъ, которая самостоятельнымъ путемъ продолжала свое развитіе. Еще до появленія Артикуловъ, въ указѣ 23 декабря 1713 года²⁾ предписывалось подъ госуда-

1) Пол. Собр. Зак. № 3006. Уставъ Военскій 1716 г. марта 30, арт. 20 толк.

2) Пол. Собр. Зак. № 2756.

ревымъ словомъ или дѣломъ разумѣть только такія дѣла, которыя касаются государскаго здоровья и Высокомонаршеской чести, а также бунта и измѣны. Одинъ за другимъ слѣдуютъ потомъ указы аналогичнаго содержания. Въ указѣ 25 января 1715 года¹⁾ повелѣвалось всякому, „кто истинный христіанинъ и вѣрный слуга своему Государю и отечеству... явно доносить словесно и письменно о нужныхъ и важныхъ дѣлахъ Самому Государю или пришедъ ко двору Его Царскаго Величества, объявить караульному сержанту, что онъ имѣетъ нужное доношеніе, а имянно, о слѣдующихъ: 1. о какомъ зломъ умыслѣ противъ персоны Его Величества или измѣны, 2. о возмущеніи или бунтѣ, 3. о похищеніи казны“. Но въ 1718 году обязанность „доношенія“ государю была ограничена первыми двумя пунктами, т. е. объ умыслѣ на государя, бунтѣ и измѣнѣ. Указомъ 19 января²⁾ „всѣмъ накрѣпко подтверждается, дабы о первыхъ двухъ пунктахъ доносили по прежнему указу караульному офицеру, а онъ будетъ представлять челобитчика самому Его Царскому Величеству; а о третьемъ пунктѣ, о похищеніи казны, пока Его Величество будетъ на Москвѣ, подавали бѣ Маіору отъ Гвардіи Ушакову, а въ Петербургѣ Полковнику Кошелеву“. Въ концѣ этого года законодатель снова напоминаетъ объ обязанности доносить Его Величеству „только по двумъ пунктамъ 1 и 2, а о 3, т. е. о похищеніи казны, объявлять фискаламъ... а Его Величеству о томъ не докучать, подѣ жестокимъ наказаніемъ“³⁾.

Такъ возникли и вошли въ юридическую и бытовую жизнь званіи „первые два пункта“. По странной случайности это приказно-канцелярское названіе прочно укрѣпилось за „великими государевыми дѣлами“ и съ тѣхъ поръ до второй почти половины 19 в. оставалось официальнымъ ихъ терминомъ.

Но сколько ни повторялъ законодатель въ своихъ указахъ содержанія первыхъ двухъ пунктовъ, врядъ-ли кому изъ современниковъ удавалось постигнуть безграничную природу этихъ преступленій. И въ атмосферѣ доносовъ, насыщавшей тогдашнюю жизнь, въ застѣнкахъ Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи росло безформенное, юридически неуловимое „слово и дѣло“. И снова въ 1730 году 30 апрѣля⁴⁾ издается пространный указъ,

1) Пол. Собр. Зак. № 2877.

2) Пол. Собр. Зак. № 3143.

3) Пол. Собр. Зак. № 3261. Ук. 1718 г. дек. 22. п. 7.

4) Пол. Собр. Зак. № 5528.

повторяющій содержаніе первыхъ двухъ пунктовъ: „1. Объявляется, въ какой силѣ состоятъ первые два пункта, о которыхъ кто подлинно за кѣмъ увѣдаетъ, и доказать можетъ, доносить надлежитъ, а именно: 1) пунктъ: ежели кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на Наше Императорское здоровье злое дѣло, или Персону и честь Нашего Величества злыми и вредительными словами поносить. 2) о бунтѣ, или измѣнѣ, сіе разумѣтся, буде кто за кѣмъ подлинно увѣдаетъ бунтъ или измѣну противъ Насъ, или Государства“. Недонесеніе объ этихъ „двухъ великихъ дѣлахъ“, или опозданіе съ доносомъ влекло для виновнаго наказаніе смертною казнью „безъ всякія пощады“. Указъ заканчивается характернымъ предупрежденіемъ о томъ, что, если кто въ разговорѣ или въ ссорѣ назоветъ другого бунтовщикомъ или измѣнникомъ, то „о такихъ происшедшихъ словахъ, которыя къ Государственной дѣйствительной измѣнѣ и бунту не касаются, отнюдь никому нигдѣ не доносить“.

Наряду съ общими указами о первыхъ двухъ пунктахъ продолжала безостановочно развиваться казуистика государственныхъ преступленій. Здѣсь выступаютъ, прежде всего, оскорбители чести государя злыми, непристойными и противными словами¹⁾. Такъ, въ 1722 году въ Пензѣ оказался „злодѣй“, который „кричалъ всенародно многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести Его Императорскаго Пресвѣтлаго Величества, и весьма вредительныя Государству“²⁾. Взамѣнъ прежней безпощадной репрессіи, не считавшейся съ внутренней стороною преступленія, теперь дѣлаются попытки индивидуализировать наказаніе согласно съ большей или меньшей степенью виновности преступника. Указомъ 16 апр. 1723 года³⁾ предписывалось относительно „поповъ и чиновъ“, обвиняемыхъ „въ непристойныхъ словахъ“, касающихся чести государя, — „посмотрѣть того, что изъ злости происходитъ, такихъ наказывать, а что сироста, то вытолковать ему, а не наказывать“. Однако черезъ короткое время законодатель снова вернулся къ старому взгляду на наказуемость оскорбленія чести государя. Указъ Екатерины I 30 янв. 1727 г.⁴⁾ охраняетъ честь

1) Пол. Собр. Зак. №№ 3984, 4196, 5004, 5224 и 6611.

2) Пол. Собр. Зак. № 3984. Именной, объявленный изъ Сената 1722 г. апр. 28.

3) Пол. Собр. Зак. № 4196.

4) Пол. Собр. Зак. № 5004.

не только царствующей Императрицы и ея фамиліи, но также неприкосновенность памяти умершаго государя. Согласно этому указу, если кто „явится въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ про Его блаженныя и вѣчностойныя памяти Императорское Величество, также и противъ персоны Ея Императорскаго Величества, и Ихъ Величества высокої фамиліи, а по извѣтамъ и по доказательству оныя въ томъ будутъ обличены, и хотя стануть показывать отговоркою, якобы они тѣ непристойныя и противныя слова говорили спроста или съ пьяна, и таковымъ злодѣямъ за тѣ ихъ вины, несмотря на такія ихъ отговорки, учинена будетъ смертная казнь безъ пощады“.

Законодательство Анны Иоанновны также останавливается на вопросѣ о наказаніи за непристойныя слова, разрѣшая его въ духѣ приведеннаго выше указа 1723 г. Указъ 31 іюля 1734 г. ¹⁾ повелѣваетъ: „ежели явятся въ непристойныхъ словахъ, оныхъ распрашивать накрѣпко, и изслѣдовать, и смотрѣть, ежели что изъ злости произошло, онымъ и розыскивать и чинить чему достойны, а ежели что произошло спроста, то вытолковать съ запрещеніемъ впредь жестокаго наказанія и казни, и свободждать, а не наказывать, а другихъ смотря по состоянію персоны и наказывать“.

Вмѣсто смертной казни подвергся въ 1734 г. ссылкѣ въ Сибирь на вѣчное житіе бывший смоленскій губернаторъ, кн. Александръ Черкасскій, уличенный въ „измѣннической корреспонденціи“, а также „во многихъ продерзостиахъ и непристойныхъ словахъ“ ²⁾. Равнымъ образомъ были сосланы въ Сибирь и тѣ, кто, „слышавъ отъ Черкаскаго злыя и важныя непристойныя слова“, не сдѣлали объ этомъ доноса. Въ опубликованномъ по дѣлу Черкаскаго манифестѣ Анны Иоанновны говорилось, что виновный „противу Насъ и Нашея Государства зѣло тяжкіе и наиважнѣйшіе измѣнническіе и возмутительные умыслы безсѣстно имѣлъ и оныя въ дѣйство производить искалъ“.

Политическая исторія 18 в. съ дворцовыми интригами, заговорами и переворотами, споры о престолонаслѣдіи, возвышеніе и паденіе временщиковъ — создавали исключительно благоприятную атмосферу для возникновенія государственныхъ преступленій. Не „худые людишки“ Московскої Руси, не сѣрая масса наруши-

1) Пол. Соб. Зак. № 6611.

2) Пол. Собр. Зак. № 6647. Манифестъ 1734 г. ноября 16.

телей петровскихъ указовъ, а сильные міра тогдашняго большей частью образуютъ ряды государственныхъ преступниковъ. — Въ качествѣ „измѣнниковъ“, „воровъ и крестопреступниковъ“ разсматривались тѣ, кто „противнымъ образомъ“, „инако“ разсуждали относительно устава о престолонаслѣдіи“¹⁾. Въ манифестѣ 27 мая 1727 г. о винахъ Девіера²⁾ сообщалось, что „которые воры и возмутители въ прошломъ 1726 году о томъ Уставѣ чрезъ подложныя письма противнымъ образомъ разсуждали, тѣ за измѣнниковъ и клятвопреступниковъ почтены и церковной клятвѣ преданы; но нынѣ... открылись такіе жъ мятежники, которые тайнымъ образомъ совѣщались противу того Устава“. — Указомъ Анны Іоанновны³⁾ сообщалось, „въ какихъ важныхъ и наитягчайшихъ Государственныхъ винахъ противу Насъ и Нашего Государства“ оказались виновными кн. Долгорукіе. Послѣдніе, находясь при особѣ Петра II, не хранили „Его дражайшаго здравія, и безъ всякаго о томъ должнаго попеченія дальними отъ Москвы отлучками, безпрестанною ѣздою со псовою и птичьею и за звѣриною охотами... утруждали, отводя Его Величество отъ знанія своего государства“; далѣе, „принудили Его Величество и привели было вымыслами злыми своими на сговоръ къ супружеству съ дочерью его кн. Алексѣевою, княжною Катериною, весьма къ тому недостойною“; принадлежащій Императрицѣ „скарбъ“ виновные „къ себѣ забрали и заграбили“; наконецъ, имѣли „безбожный... воровской совѣтъ“ о томъ, чтобы послѣ кончины Петра II удержать наслѣдство російскаго престола дочери кн. Алексѣя. Кн. Василию Долгорукому ставилось въ вину то, что онъ „дерзнулъ не токмо Наши Государству полезныя учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и собственную Нашу Императорскую Персону поносительными словами оскорблять“.

Дворцовые происки относительно наслѣдія престола служили почвою для государственныхъ преступленій также и въ царствованіе Елизаветы Петровны: признанные виновными въ „намѣремой въ сукцессіи перемѣнѣ“ подверглись вмѣсто смертной казни ссылкѣ и другимъ наказаніямъ Остерманъ, Минихъ и Головкинъ съ многочисленными ихъ сообщниками. У нѣкоторыхъ

1) Пол. Собр. Зак. № 4870. Ук. 1726 г. апр. 21.

2) Пол. Собр. Зак. № 5084.

3) Пол. Собр. Зак. № 7942. Ук. 1739 г. ноября 19.

изъ замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ были отрѣзаны языки, повидимому, въ возмездіе за тѣ „непристойныя слова о собственной... Персонѣ“ Государыни, которыя между собою виновные произносили. Совершенныя виновными преступленія, по взгляду манифеста, направлялись не только противъ государыни, но также касались цѣлости и благополучія всей имперіи и общаго государственнаго покоя¹⁾.

Въ манифестѣ о лишеніи чиновъ и достоинствъ бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина объявлялось, что такая кара постигла виновнаго „не меньше, какъ за оскорбленіе Величества“. Въ качествѣ главныхъ пунктовъ обвиненія были выставлены слѣдующіе: 1) виновный, вопреки соизволенію Императрицы, „присвоилъ себѣ многія ему не принадлежащія дѣла, и всякими непозволенными образами искалъ распространить власть свою“; 2) именныя повелѣнія Императрицы не только не исполнялъ съ надлежащимъ усердіемъ, но даже препятствовалъ ихъ исполненію; 3) усматривая гдѣ-либо великій и существенный ущербъ интересамъ государыни и государства, не доносилъ объ этомъ императрицѣ; 4) наконецъ, „къ крайнему оскорбленію Величества, вздумалъ собственныя свои приказанія признавать важнѣйшими и дѣйствительнѣйшими“, чѣмъ повелѣнія Императрицы²⁾.

Совершенно особнякомъ отъ государственныхъ преступленій придворной аристократіи стоитъ въ настоящую эпоху дѣло самозванца Миницкаго, который, по словамъ указа, „забывъ природную свою подлость, вымыслилъ о себѣ ложно, аки бы отъ нѣкоторыхъ сонныхъ видѣній, ему бывшихъ, что онъ Царевичъ Алексѣй Петровичъ“. И подвергнутъ онъ былъ вмѣстѣ съ попомъ Могилою, „прямымъ въ ономъ злодѣйствѣ преступникомъ и сообщникомъ“, совсѣмъ необычной у насъ казни: велѣно было „самозванца Миницкаго и роспопу Гаврила, посадить живыхъ на колья“³⁾.

Политическія репрессіи, достигнувъ при Петрѣ В. крайняго своего напряженія, въ ближайшее уже послѣ него время обнаружили признаки перелома. Это сказывалось и въ настойчивой борьбѣ власти съ эпидеміей доносовъ о словѣ и дѣлѣ, и въ индивидуализаціи наказанія за непристойныя слова, и въ постепенномъ очищеніи понятія государственнаго преступленія отъ

1) Пол. Собр. Зак. № 8506. Манифестъ 1742 г. янв. 22; № 8775. Манифестъ 1743 г. авг. 29.

2) Пол. Собр. Зак. № 10940. Манифестъ 1759 г. апр. 5.

3) Пол. Собр. Зак. № 7653. Ук. 1738 г. сент. 11.

чуждых его природѣ уродливыхъ наростаній. Такъ, указомъ 1742 г.¹⁾ повелѣвалось не производить впродъ разслѣдованія о разныхъ неумышленныхъ опискахъ въ титулѣ Государыни, — писцовъ, допустившихъ какія-либо погрѣшности въ титулѣ „простотою“, съ этого времени уже не нужно было отсылать въ Тайную Канцелярію. Въ 1762 г. послѣдовалъ манифестъ Петра III²⁾ объ уничтоженіи Тайной розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи, при этомъ объявлялось, что „ненавистное израженіе, а именно: слово и дѣло не долженствуетъ отнынѣ значить ничего“. Говоря о преступленіяхъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, манифестъ разумѣтъ подъ ними умыслы противъ здоровья, личности и чести государя, а также бунтъ и измѣну.

Историческая жизнь уже дѣлала поворотъ къ „вѣку“ Екатерины, и послѣ „боевой“ эпохи Петра государственныя преступленія вступали въ сферу идей екатерининскаго Наказа.

Но тѣ законники, которымъ поручено было при Елизаветѣ Петровнѣ составленіе проектовъ уголовного уложенія³⁾ *], слишкомъ далеки были отъ предчувствія новыхъ идей: написанныя ими главы о государственныхъ преступленіяхъ представляютъ собою не больше, какъ канцелярское, буквальное закрѣпленіе тогдашняго законодательства и практики о первыхъ двухъ пунктахъ съ нѣкоторою примѣсью собственныхъ разсужденій составителей. И что въ этихъ „разсужденіяхъ“ поражаетъ своею новизною, это неслыханный у насъ дотолѣ способъ смертной казни, который по первой редакціи проекта назначался за злой умыселъ противъ государя и его фамиліи: виновнаго повелѣвалось разорвать пятью запряженными лошадьми на пять частей (ст. 1).

Постановленія о государственныхъ преступленіяхъ помѣщаются въ двухъ главахъ проекта: 20-й — „объ оскорбленіи Величества“ и 21-й — „о бунтѣ и измѣнѣ“.

1) Пол. Собр. Зак. № 8544. Ук. 1742 г. апр. 7.

2) Пол. Собр. Зак. № 11445. Манифестъ 1762 г. февр. 21.

3) Проекты Уголовнаго Уложенія 1754—1766 годовъ. Новоуложенной книги часть вторая: о розыскныхъ дѣлахъ и какія за разныя злодѣйства и преступленія казни, наказанія и штрафы положены. 1882.

*] Примѣчаніе редактора: Относительно проекта узаконеній о государственныхъ преступленіяхъ, найденнаго В. И. Веретенниковымъ (Изъ исторіи тайной канцеляріи. 1731—1762 г. Очерки. Харьковъ. 1911), Д. А. Червонецкому еще ничего не могло быть извѣстно.

Въ главѣ объ оскорбленіи Величества предусматривается злоумышленіе на особу государыни и ея фамиліи (ст. 1), поношеніе государыни и ея фамиліи „злыми и вредительными словами“, а равно разсужденіе „непристойнымъ образомъ“ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ государыни (ст. 2). Къ области оскорбленія Величества было также отнесено учиненіе общихъ преступленій въ присутствіи государыни (ст. 3—5); кромѣ того, въ первоначальной редакціи проекта имѣлись постановленія о томъ, чтобы портреты государыни и ея фамиліи живописцы писали „со всякою опасностью и прилежнымъ тщаніемъ“ (ст. 7), и чтобы царскій титулъ „передъ прочимъ письмомъ отмѣнными крупными литерами осторожно“ писался (ст. 8). Однако, во второй редакціи проекта статьи о титулѣ и портретахъ были исключены изъ отдѣла о государственныхъ преступленіяхъ.

Постановленія объ измѣнѣ и бунтѣ, будучи слиты проектами въ одинъ безформенный комокъ (гл. 21, ст. 1), совершенно стерли границу, раздѣляющую эти два преступленія.

Характернымъ отраженіемъ судебной практики того времени является, между прочимъ, слѣдующее постановленіе въ главѣ о доносахъ: запрещалось доносить и „причитать“ къ первымъ двумъ пунктамъ, если кому случится гдѣ-нибудь „титулъ Нашъ и высокой Нашей фамиліи съ прочими рѣчами обще вычернить или оные изодрать, или кто при покупкахъ чего и въ другихъ случаяхъ, яко то при подаваніи милостыни и въ прочихъ обстоятельствахъ, броситъ какую денежную монету, или кто не хотя принять для какихъ либо случаевъ денегъ и съ деньгами выбранитъ кого“ (гл. 22, ст. 13).

Наказаніемъ за злоумышленіе противъ личности государыни и противъ ея фамиліи, а равно за бунтъ и измѣну, является, по проекту, смертная казнь посредствомъ четвертованія.

Жестокимъ постановленіемъ „новоуложенной книги“ не суждено было стать закономъ. На смѣну имъ вскорѣ явились гуманнѣе начала екатерининскаго Наказа, и провозглашено было новое понятіе государственнаго преступленія.

III.

§ 6. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается въ своемъ Наказѣ Екатерина на вопросѣ о государственныхъ преступленіяхъ. Не столько юридическая, сколько политическая сторона

этихъ преступленій интересовала составительницу Наказа, вызывая на либеральныя размышленія. И вотъ съ государственныхъ преступленій были сброшены традиціонныя ихъ покровы — религіозный и правительственный — и на первый планъ снова выдвинута противообщественная сторона преступленій „въ оскорбленіи Величества“¹⁾. Такъ назывались въ Наказѣ преступленія, клонящіяся ко вреду того, кто является въ государствѣ главою (ст. 229), — дѣянія, „противныя безопасности Государя и Государства“ (ст. 465). Это — „самыя важнѣйшія“ преступленія, потому что „они больше всѣхъ прочихъ суть пагубны обществу“ (ст. 229).

Преступленіе оскорбленія Величества требуетъ для своего выраженія въ законѣ словъ ясныхъ и краткихъ, ибо „вольность гражданина“ подвергается великой опасности, „если преступленіе въ оскорбленіи Величества описано въ законахъ словами неопредѣленными“ (ст. 469).

По взгляду Наказа, къ оскорбленію Величества относятся только тѣ преступленія, которыя „заключаютъ умыселъ въ себѣ противъ жизни и безопасности Государя, и измѣну противъ Государства, и тому подобныя“ (ст. 478). Наказъ энергично высказывается противъ чрезмѣрнаго расширенія понятія оскорбленія Величества, въ такомъ расширеніи границъ этого преступленія онъ видитъ „самое насильственное злоупотребленіе“ (ст. 471) и находитъ, что „давать имя преступленія въ оскорбленіи Величества другому какому преступленію, ни что иное есть, какъ уменьшать ужасъ, сопряженный съ преступленіемъ оскорбленія Величества“ (ст. 373).

Содержаніе государственныхъ преступленій должно быть ограничено областью „внѣшнихъ или наружныхъ дѣйствій“ (ст. 477).

Что касается словъ, то они „не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ оныя приготавливаютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному“ (ст. 480). Слова, которыми желаютъ „опорочить славу своего Государя“, не составляютъ оскорбленія Величества, и „простое исправительное наказаніе приличествуетъ лучше въ сихъ случаяхъ, нежели обвиненіе въ оскорбленіи Величества“ (ст. 482). Равнымъ образомъ и „письма“ не должны считаться оскорбленіемъ Величества, разъ

1) Пол. Собр. Зак. № 12949. Наказъ, данный Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. 1767 года іюля 30. ст. 229 и 464.

они не служат приготовленіемъ къ преступленію (ст. 483). Но „сочиненія очень язвительныя“ дѣлаются, по выраженію Наказа, „предлогомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ“ (ст. 484)¹⁾.

Весьма важное значеніе Наказъ придаетъ тому, чтобы въ оскорбленіи Величества не были смѣшиваемы различныя степени этого преступленія (ст. 487).

Наряду съ положительной дѣятельностью въ области государственныхъ преступленій Наказъ облагаетъ наказаніемъ и бездѣйствіе, именно, недонесеніе объ оскорбленіи Величества. Обращая вниманіе на то, что „во многихъ Державахъ законъ повелѣваетъ подъ смертною казнью открывать и тѣ заговоры, о которыхъ кто не по сообщенію съ умышленниками, но по слуху знаетъ“, составительница Наказа замѣчаетъ: „весьма прилично сей законъ употребить во всей онаго строгости въ преступленіи самаго высочайшаго степени, касающемся до оскорбленія Величества“ (ст. 486).

Но изложивъ подробно въ Наказѣ взятую у Монтескье теорію государственныхъ преступленій, въ жизни Екатерина продолжала оставаться на томъ же старомъ пути, которымъ до нея шла практика о государственныхъ преступленіяхъ. Въ манифестѣ о наказаніи Хрущова и др., обвиненныхъ въ оскорбленіи Величества проводится старинная мысль о томъ, что власть предержащая для добра подданныхъ установлена надъ ними отъ Бога, „почему и оскорбители оные, яко противляющіеся Богу, и яко нарушители общаго покоя, суть такіе преступники, которыхъ слово Божіе и законъ гражданскій осуждаетъ быть не токмо извергами своего отечества, но и въ родѣ человѣческомъ нетерпимыми“²⁾. На точкѣ зрѣнія Соборнаго Уложенія стоитъ указъ объ изгнаніи изъ Россіи за измѣну гр. Тотлебена³⁾. Въ этомъ указѣ объявлялось, что, въ случаѣ самовольнаго возвращенія ви-

1) Предполагая сперва „слова“ и „письма“, направленные противъ государя, оставить безнаказанными, Екатерина отказалась потомъ отъ своего намѣренія подъ влияніемъ возраженій со стороны высшихъ духовныхъ лицъ. По мнѣнію послѣднихъ, „безопасность особы государя соединяется съ безопасностью всего государства, а потому малѣйшее противъ сего недоразумѣніе не должно быть оставлено безъ изслѣдованія, и потому эта рѣчь требуетъ подробнѣйшаго разъясненія“. Латкинъ, учебникъ исторіи русскаго права, 1909, с. 470—471.

2) Пол. Собр. Зак. № 11693. Манифестъ 1762 г. окт. 24.

3) Пол. Собр. Зак. № 11794. Именной 1763 г. апр. 11.

новнаго въ Россію, всякій, „кто его увидитъ и узнаетъ въ государствѣ Нашемъ, тотъ право имѣетъ у него отнять животь, какимъ заблагоразсудитъ образомъ, и тѣмъ не преступитъ ни правъ гражданскихъ, ни военныхъ, ниже общенародныхъ“. Въ предупрежденіе „непристойныхъ умствованій“ о правительственныхъ дѣлахъ, Императрица угрожаетъ всѣмъ „зараженнымъ неспокойными мыслями“, что, если они не удалятся отъ вредныхъ разсужденій, то неминуемо почувствуютъ „всю тяжесть Нашего гнѣва, яко нарушители тишины и презрители Нашей Высочайшей воли“¹⁾.

Несмотря на постоянное упоминаніе въ указахъ и манифестахъ о „природномъ человѣколюбіи“ и „матерномъ милосердіи“ Императрицы, политическія репрессіи при Екатеринѣ не отличались особенною гуманностью. Подверглись въ это время смертной казни „отчаянный бунтовщикъ“ Мировичъ²⁾ и главные виновники бывшаго въ Москвѣ мятежа и убійства Арх. Амвросія³⁾; Пугачева велѣно было „четвертовать, голову взоткнуть на коль, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города и положить на колеса, а послѣ на тѣхъ же мѣстахъ сжечь“⁴⁾. О смертныхъ казняхъ, вызванныхъ Пугачевскимъ бунтомъ, говорится въ одномъ изъ указовъ 1775 г.: „гдѣ остались смертію казненныя тѣла еще не погребенныя, оныя — велить указъ — предать земли, а въ то же время и особо устроенныя для бывшихъ смертныхъ казней лобныя мѣста и орудія истребить“⁵⁾.

Въ 1790 г. приговоренъ былъ къ смертной казни, замѣненной потомъ десятилѣтнею ссылкой въ Сибирь, знаменитый авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ за свою книгу, наполненную, по словамъ указа, „самыми вредными умствованіями . . . оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти Царской“⁶⁾.

1) Пол. Собр. Зак. № 11843. Манифестъ 1763 г. іюня 4.

2) Пол. Собр. Зак. № 12223. Манифестъ 1764 г. авг. 17; № 12241. Сентенція по злодѣйскимъ винамъ Мировича и его сообщниковъ 1764 г. сент. 15.

3) Пол. Собр. Зак. № 13695. Приговоръ 1771 г. ноября 10.

4) Пол. Собр. Зак. № 14233. Сентенція о наказаніи смертною казнію измѣнника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщниковъ 1775 г. генв. 10.

5) Пол. Собр. Зак. № 14294. Ук. 1775 г. апр. 6.

6) Пол. Собр. Зак. № 16901. Ук. 1790 г. сент. 4.

Въ числѣ государственныхъ преступниковъ этого времени оказался капитанъ-лейтенантъ Монтагу, присужденный за шпіонство къ смертной казни, которая однако была ему замѣнена пожизненною каторгою ¹⁾.

§ 7. Несмотря на законы Петра III и Екатерины II, пытавшихся „навсегда“ уничтожить Тайную розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, послѣдняя подъ именемъ Тайной Экспедиціи продолжала свое дѣйствіе. Поэтому Александръ I, вступая на престолъ, призналъ за благо „не только названіе, но и самое дѣйствіе Тайной Экспедиціи упразднить и уничтожить“ ²⁾. Провозглашенъ былъ принципъ, что „въ благоустроенномъ Государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона“ ³⁾. И „единому дѣйствію закона“ поручалъ манифестъ охраненіе имени государя и государственной цѣлости „отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы“ ⁴⁾.

Идеи екатерининскаго Наказа о государственныхъ преступленіяхъ продолжаютъ жить и въ царствованіе Александра I. Интереснымъ документомъ этой эпохи является составленный въ 1801 г. проектъ „коронаціонной Всемиловивѣйшей грамоты русскому народу“. „Дабы именованіе преступленія въ оскорбленіи Величества не было подвергнуто неопредѣленному толкованію и дабы оградить всѣхъ отъ злоупотребленія самопроизвольныя власти“, — проектъ устанавливаетъ „на точномъ смыслѣ Наказа о сочиненіи новаго уложенія блаженныя памяти Екатерины II, главы XX, чтобы слова и сочиненія не почитать никогда преступленіемъ; ибо суть предлоги только градскаго самоуправленія“. Что же касается преступленія оскорбленія Величества, то подъ нимъ проектъ разумѣетъ „слѣдующія дѣянія: чѣмъ кто сдѣлаетъ и производить будетъ самымъ дѣйствіемъ заговоры на ниспроверженіе Высшей власти въ государствѣ“ ⁵⁾.

Въ 1812 г. было издано „Полное Уголовное Уложеніе для Большой Дѣйствующей Арміи“ ⁶⁾, предусматривающее длинный рядъ случаевъ военной измѣны. Смертной казни за измѣну под-

1) Пол. Собр. Зак. № 17284. Ук. 1794 г. дек. 18.

2) Пол. Собр. Зак. № 19813. Манифестъ 1801 г. апр. 2.

3) *ibid.*

4) *ibid.*

5) Коркуновъ, Политическія воззрѣнія Сперанскаго до его знакомства съ Императоромъ Александромъ I. Вѣстн. Пр. 1899 г. № 8. с. 8.

6) Пол. Собр. Зак. № 24975.

лежить „всякій чиновникъ арміи и всякое лицо къ арміи принадлежащее“ (гл. 1, § 1). Къ области военной измѣны Полевымъ Уложеніемъ относятся слѣдующіе случаи: недозволенная переписка съ непріятелемъ, нарушеніе тайнъ, поврежденіе орудія, возбужденіе смятенія въ строю, передача ложнаго пароля и лозунга, сокрытіе нужныхъ свѣдѣній и извѣстій, преждевременная сдача крѣпости, необезпеченіе арміи продовольствіемъ, сдача непріятелю магазиновъ, снарядовъ или обозовъ, шпіонство (§ 2).

Либеральныя вѣянія эпохи Александра I замѣтнымъ образомъ отразились на проектѣ „уголовнаго уложенія Россійской Имперіи“ 1813 г.¹⁾ Исчезла здѣсь квалифицированная смертная казнь за государственныя преступленія. Супруги и дѣти государственныхъ преступниковъ освобождались отъ обязанности доноса (гл. II, § 135). Словесное оскорбленіе государя и его фамиліи было обособлено отъ другихъ преступленій противъ государя и не каралось смертной казнью (§ 140).

Подъ именемъ государственнаго преступленія проектъ разумѣетъ такое посягательство, „которымъ нарушаются права и оскорбляется Величество Государя и Его Дома, или нарушаются права и спокойство Государства“ (Ч. I, гл. I, § 3). Постановленія о государственныхъ преступленіяхъ содержатся въ трехъ главахъ проекта: вторая глава предусматриваетъ „наказанія за оскорбленіе Императорскаго Величества“ (§§ 131—142), третья — „наказанія за государственную измѣну“ (§§ 143—151), въ четвертой главѣ, предусматривающей „преступленія, нарушающія внутреннюю общественную безопасность и тишину“, идетъ рѣчь „о возмущеніи или бунтѣ и другихъ тому подобныхъ скопахъ или сходбищахъ“ (§ 153 и сл.).

На первомъ мѣстѣ въ ряду государственныхъ преступленій проектъ ставитъ злоумышленіе противъ Государя и Его фамиліи: смертной казни подвергается тотъ, „кто злоумышленно и явно дерзнетъ возставать самымъ дѣломъ, или составленіемъ на сей конецъ заговора, противъ жизни или здравія Его Величества Государя Императора или Государыни Императрицы или Наслѣдника престола, или другихъ особъ Высочайшей Императорской фамиліи“ (§ 131). Замѣчательнымъ нововведеніемъ проекта является ограниченіе наказуемости оскорбленія чести Государя и

1) Проектъ уголовнаго уложенія Россійской Имперіи. Часть вторая. О наказаніяхъ за государственныя и общественныя преступленія. 1813.

Членовъ Императорской фамиліи только тѣми поносительными и ругательными словами, которыя были произнесены въ публичныхъ мѣстахъ (§ 140). Временному лишенію свободы подвергается, по проекту, тотъ, кто „изъ единого легкомыслія употребляетъ оскорбительныя слова и рѣчи о Государѣ Императорѣ или Высочайшей фамиліи“ (§ 142).

Государственная измѣна конструируется проектомъ, какъ злоумышленіе противъ Самодержавной Власти или цѣлости Россійскаго Государства. Виновнымъ въ измѣнѣ признается тотъ, „кто, вопреки вѣрноподданической присяги, учиненной Его Величеству царствующему Государю Императору всея Россіи, злоумыслить на ниспроверженіе или перемѣну верховной власти или отторженіе нѣкоторой части Государства къ чужой державѣ, или кто изъ Россійскихъ подданныхъ соберетъ войско противъ Его Величества“ (§ 143).

Наконецъ, возстаніе или бунтъ, по проекту, имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда „скопище злоумышленниковъ соединится для сопротивленія верховной власти и для нарушенія общественнаго порядка, и насильственно противится учрежденнымъ властямъ и воинскимъ командамъ“ (§ 153).

Что касается судебной практики этого времени объ оскорбленіи Величества, то она руководилась постановленіями Военскихъ Артикуловъ и соотвѣтствующими указами. Такъ, по дѣлу кр. Ермолова¹⁾, обвиняемаго въ томъ, что, „будучи въ нетрезвомъ состояніи . . . неизвѣстно почему произнесъ слово на оскорбленіе Его Величества“, Тверская палата уголовного суда заключила: „за содѣянный кр. Ермоловымъ поступокъ, на основаніи 20 Военскаго Артикула и указовъ 1754 сент. 30 и 1799 годовъ іюля 31 чиселъ, наказать его кнутомъ, давъ сорокъ ударовъ, вырвать ноздри, поставить повелѣнные знаки и послать въ каторжную работу“. Сенатъ и Гос. Совѣтъ нашли этотъ приговоръ правильнымъ, отмѣнивъ лишь рваніе ноздрей, какъ не соотвѣтствующее указу 25 дек. 1817 г.; виновный однако былъ помилованъ Государемъ.

Эпизодомъ указной практики о государственныхъ преступленіяхъ явилось дѣло о возстаніи 14 декабря 1825 г. Не изъ глубинъ русскаго чернозема, подобно бунтамъ Разина и Пугачева,

1) Пол. Собр. Зак. № 27705. Высоч. утвержденное мнѣніе Гос. Совѣта 1819 г. марта 7.

выросло дѣло „декабристовъ“: занесенныя съ запада, конституціонныя и республиканскія идеи лишь въ дворянско-офицерской средѣ нашли для себя почву, не коснувшись народной массы. Верховный уголовный судъ, разсматривавшій это дѣло, призналъ, что совершенныя виновными дѣянія „принадлежать къ преступленіямъ Государственнымъ, подъ именемъ двухъ первыхъ пунктовъ, въ законодательствѣ нашемъ извѣстнымъ“²⁾. Преступленія декабристовъ квалифицировалась, какъ умыселъ на царубійство, бунтъ и мятежъ воинскій: эти три главныхъ рода преступленій подраздѣлялись на отдѣльные виды и степени. Въ приговорѣ Верховнаго Суда пяти главнымъ виновникамъ была назначена смертная казнь посредствомъ четвертованія, замѣненная потомъ повѣшеніемъ.

IV.

§ 8. Двумя теченіями влились въ Сводъ Законовъ предшествоющія ему законодательство и практика о государственныхъ преступленіяхъ: Соборное Уложеніе съ Петровскими Уставами и множество отдѣльныхъ указовъ явились источниками, изъ которыхъ Сводъ черпалъ свои постановленія „о преступленіяхъ Государственныхъ по первымъ двумъ пунктамъ“. Этимъ именемъ попрежнему обозначаются: 1) злоумышленіе и поносительныя слова противъ Государя и Членовъ Императорскаго Дома и 2) бунтъ или измѣна противъ Государя и государства (Сводъ Зак. Угол. 1832, ст. 214). Наказаніемъ за государственныя преступленія является смертная казнь „въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленія сіи, по особенной ихъ важности, предаются Верховному Уголовному Суду“ (ст. ст. 217, 220, 224, 227).

Къ „первому пункту“ Сводъ относитъ „преступленія противу Священной Особы Государя Императора и Членовъ Императорскаго Дома“ (ст. 215—222). Сюда принадлежитъ, прежде всего, злоумышленіе противъ Государя и Членовъ Императорскаго Дома (ст. 215—219), затѣмъ — „поношеніе Государя Императора и Членовъ Императорскаго Дома злыми и вредительными словами“ (ст. 220—222). Злоумышленіемъ противъ Государя признается, по Своду, умыселъ противъ жизни, чести и здоровья

1) 2-е Пол. Собр. Зак. № 464. Указъ 1826 г. іюля 13.

Государя, сверженіе Его съ престола, похищеніе Верховной Власти, лишеніе Государя свободы и учиненіе Ему насилія (ст. 215). Обнаруженіе умысла Сводъ караетъ одинаково съ „дѣйствительнымъ преступленіемъ“ (ст. 216); соучастники „въ злодѣйственныхъ умыслахъ противу священной Особы Государя Императора“ подлежатъ тому же наказанію, что и главные виновники (ст. 218). Отдѣльно отъ злоумышленія на Государя ставить Сводъ словесное оскорбленіе Государя и Членовъ Императорскаго Дома, облагая тѣмъ не менѣе это преступленіе смертной казнью (ст. 220 и 221).

Къ государственнымъ преступленіямъ по „второму пункту“ принадлежатъ бунтъ (ст. 223—225) и государственная измѣна (ст. 226—228). По примѣру Соборнаго Уложенія, бунтъ опредѣляется въ Сводѣ, какъ „возстаніе скопомъ и заговоромъ многихъ подданныхъ противу Государя и Государства, сопряженное съ насильственными дѣйствіями“ (ст. 223). Преступленіе государственной измѣны конструируется Сводомъ, какъ посягательство на внѣшнюю безопасность государства. Сюда относятся — умыселъ на преданіе государства или какой-либо его части „внѣшнему непріятелю“, возбужденіе иностраннаго государства къ войнѣ противъ отечества и рядъ случаевъ военной измѣны (ст. 226).

§ 9. Постановленія Свода Законовъ о преступленіяхъ, „по первымъ двумъ пунктамъ“ почти въ полной неприкосновенности сохранены были Уложеніемъ о нак. 1845 г. Остались тѣ же составы преступленій, тѣ же наказанія. Но примѣненіе смертной казни Уложеніе, въ противоположность Своду Законовъ, не ставитъ уже въ зависимость отъ подсудности дѣла Верховному уголовному суду. Къ тремъ, исторически развивавшимся группамъ государственныхъ преступленій — злоумышленіе противъ Государя, бунтъ и измѣна — Уложеніе прибавляетъ новую группу преступленій противъ „народнаго права“. Уложеніе о нак. отказывается отъ стараго термина „первые два пункта“ и въ заглавіи третьяго своего раздѣла просто говоритъ: „о преступленіяхъ государственныхъ“. Преступленія эти помѣщаются Уложеніемъ въ двухъ главахъ, изъ которыхъ первая содержитъ постановленія „о преступленіяхъ противъ Священной Особы Государя Императора и Членовъ Императорскаго Дома“ (ст. 241—248), а вторая — „о бунтѣ противъ Власти Верховной и о государственной измѣнѣ“ (ст. 249—261). Но, кромѣ этихъ двухъ главъ,

цѣлый рядъ постановленій, касающихся государственныхъ преступленій, находятся въ другихъ мѣстахъ Уложенія¹⁾.

Постановленія Уложенія о государственныхъ преступленіяхъ послужили основой для построения нормъ дѣйствующаго нашего права, которое, въ цѣляхъ интерпретации, постоянно нуждается въ сопоставленіяхъ съ Уложеніемъ о нак. На постановленія Уложенія нельзя поэтому смотрѣть, какъ на омертвѣлыя нормы, ставшія достояніемъ исторіи; отмѣненные формально новымъ закономъ, въ дѣйствительности эти постановленія продолжаютъ жить, являясь первоисточникомъ для пониманія существующаго права. Вотъ почему, подробное изложеніе постановленій Уложенія о нак. будетъ болѣе цѣлесообразно при догматической разработкѣ дѣйствующаго права о государственныхъ преступленіяхъ, чѣмъ въ настоящемъ очеркѣ.

Государственные преступленія, предусмотрѣнныя Уложеніемъ о нак., распадаются на слѣдующія четыре группы: 1) преступленія противъ Государя и Членовъ Императорскаго Дома (ст. 241—248, 255, 1145), 2) бунтъ (ст. 249—252¹⁾, 255, 987, 1145), 3) государственная измѣна (ст. 253—258, 987, 1145) и 4) преступленія противъ „народнаго права“ (ст. 259—261)²⁾.

1) Къ первой группѣ государственныхъ преступленій принадлежить „всякое злоумышленіе“ противъ жизни, здоровья, свободы и чести Государя, а равно противъ неприкосновенности правъ Его верховной власти (ст. 241). Одинаково съ злоумышленіемъ противъ Государя конструируются Уложеніемъ преступленія противъ Наслѣдника Престола, Супруги Государя и Членовъ Императорскаго Дома (ст. 244). Закономъ 7 окт. 1868 г. наказанія, опредѣленныя въ статьяхъ 241—244 Уложенія, распространены на виновныхъ въ насиліи противъ караула или часовыхъ, охраняющихъ Государя и Членовъ Императорскаго Дома (ст. 244¹⁾). Съ объективной стороны, для состава государственнаго преступленія Уложеніе считаетъ достаточнымъ простое обнаруженіе умысла (ст. 242). Наказаніемъ за указанныя преступленія является смертная казнь, одинаково постигающая какъ участниковъ, такъ и лицъ, прикосновенныхъ къ преступленію (ст. 243).

1) Уголовное Уложеніе. Проектъ редакціонной комиссіи и объясненія къ нему. Т. II. 1897. с. 4.

2) П. П. Пусторослевъ, Конспектъ лекцій по особенной части русскаго уголовного права. В. I. 1902. стр. 168 и сл.

Подъ именемъ „оскорбленія Величества“ Уложение разумѣть различные случаи заочнаго оскорбленія Государя (ст. 245 и 246). Одинаковой отвѣтственности съ оскорбителями Величества подвергаются по Уложенію виновные въ заочныхъ оскорбленіяхъ Наслѣдника Престола, Супруги Государя и Членовъ Императорскаго Дома (ст. 248).

2) Къ области бунта Уложение относитъ „возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ Государя и государства“, а равно „умыселъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ или въ нѣкоторой онаго части, или же перемѣнить образъ правленія или установленный законами порядокъ наслѣдія Престола“ (ст. 249). Существеннымъ признакомъ бунта является наличность у виновныхъ умысла „дѣйствовать для достиженія своей преступной цѣли насильственно“ (ст. 250, ч. I). Но Уложение предусматриваетъ и тотъ случай, когда „виновные не обнаружили умысла дѣйствовать насильственно, но составили сообщество, направленное къ достиженію, хотя бы и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, цѣлей, указанныхъ въ статьѣ 249, или вступили въ подобное сообщество“ (ст. 250, ч. 2). Кромѣ бунтовщическаго сообщества, Уложение караетъ также возбужденіе къ бунту (251), а равно составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ сочиненій и произнесеніе публично рѣчей, „въ коихъ, хотя и безъ прямаго и явнаго возбужденія къ возстанію противъ Верховной Власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея, или же дерзостно порицать установленный государственнымъ законами образъ правленія, или порядокъ наслѣдія Престола“ (ст. 252).

3) Что касается государственной измѣны, то Уложение, прежде всего, относитъ сюда умыселъ „предать государство или какую либо часть онаго другому государю или правительству“. Далѣе, къ области измѣны принадлежатъ слѣдующіе случаи: возбужденіе иностранной державы къ войнѣ или инымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, способствованіе или благопріятствованіе непріятелю, измѣнническое нарушеніе довѣрія, уничтоженіе документовъ, служащихъ доказательствомъ правъ Россіи „на что либо требуемое отъ державы иностранной, или наоборотъ иностранною державою отъ Россіи“ (ст. 253). Кромѣ того, Уложение о нак. предусматриваетъ шпіонство въ мирное время (ст. 256 и сл.) и недозволенную переписку съ иностраннымъ правительствомъ или подданными враждебнаго государства (ст. 257 и 258).

4) Последнюю группу государственных преступлений составляют, по Уложению, посягательства, касающіяся международных отношеній. Подъ именемъ преступленій противъ „народнаго права“ Уложеніе разумѣтъ слѣдующія дѣянія: нападеніе открытою силою русскаго подданнаго въ мирное время на жителей иностраннаго государства (ст. 259), злоумышленіе противъ главы иностраннаго государства, бунтъ и измѣну (ст. 260) и оскорбленіе дипломатическаго представителя иностраннаго государства (ст. 261).

§ 10. Бросая общій взглядъ на историческій путь, пройденный нашимъ законодательствомъ о государственныхъ преступленіяхъ, можно отмѣтить нѣкоторыя основныя черты, характеризующія эти преступленія въ различные моменты ихъ развитія.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ нашего права, Псковской судной грамотѣ и Судебникахъ, выступаетъ болѣе или менѣе замѣтно антисоціальная сторона государственныхъ преступленій. Последнія разсматриваются, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ общегитія; о верховной власти, какъ ясно выраженномъ объектѣ посягательства, до Соборнаго Уложенія въ законодательствѣ нѣтъ упоминанія.

Соборное Уложеніе, положившее основы дѣйствующаго права о государственныхъ преступленіяхъ, конструируетъ эти преступленія, какъ „великое государево дѣло“. Общимъ объектомъ государственныхъ преступленій является здѣсь Величество Государя; рядомъ съ Государемъ въ качествѣ объекта посягательства обрисовывается территория государства.

Послѣ Соборнаго Уложенія въ пестрой массѣ указовъ теряются ясныя очертанія государственныхъ преступленій, и становится неопредѣленной ихъ юридическая природа. Понятіемъ государственнаго преступленія теперь обнимаются не только непосредственныя посягательства противъ Государя и государства, но и всякія другія дѣянія, въ которыхъ прямо или косвенно выражается неуважительное отношеніе къ Особѣ Государя, а также преступленія должностныя и противъ порядка управленія.

При Петрѣ В. государственныя преступленія сосредоточиваются на личности Государя, заслонившей собою государство. Особа „самовластнаго монарха“ образуетъ основной элементъ въ понятіи государственнаго преступленія этой эпохи. Государ-

ственные преступники — это идейные враги преобразователя, противники его мѣропріятей.

Напротивъ, для ближайшихъ преемниковъ Петра В. государственные преступники являются личными ихъ врагами, государственное преступленіе направляется главнымъ образомъ противъ личнаго благополучія носителей верховной власти.

При Екатеринѣ В. теорія и практика государственныхъ преступленій далеко расходятся между собою. Въ Наказѣ на первый планъ выдвигается антисоціальная сторона государственныхъ преступленій; практика же, не считаясь съ идеями Наказа, продолжаетъ идти по старому пути.

Въ царствованіе Александра I провозглашается начало законности въ области государственныхъ преступленій; повторяются идеи екатерининскаго Наказа.

Сводъ законовъ подводитъ итогъ историческому развитію государственныхъ преступленій: на первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь Государь, какъ носитель верховной власти, за нимъ — государство.

Такой же характеръ сохраняютъ государственныя преступленія въ Уложеніи о нак. и въ дѣйствующемъ нашемъ правѣ.

Три группы государственныхъ преступленій — злоумышленіе противъ Государя, бунтъ и измѣна — начиная съ Соборнаго Уложенія, проходятъ въ исторіи нашего законодательства; Уложеніе о нак. прибавляетъ къ нимъ новую группу преступленій противъ „народнаго права“.

Въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій наше законодательство о государственныхъ преступленіяхъ почти исключительно питалось началами, установленными Уложеніемъ Алексѣя Михайловича. Черезъ Уложеніе о нак. эти начала получили доступъ въ дѣйствующее право о государственныхъ преступленіяхъ. Само собою понятно, что отягченныя такою наследственностью, дѣйствующія постановленія о государственныхъ преступленіяхъ нуждаются въ коренной реформѣ. И эта реформа должна, очевидно, имѣть своимъ источникомъ не историческій матеріалъ, а тѣ государственно-правовыя начала, которыя принесъ въ нашу жизнь манифестъ 17 октября.

Глава I.

Системы государственныхъ преступленийъ въ иностранномъ правѣ.

Системы государственныхъ преступленийъ въ иностранномъ правѣ отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ и не легко поддаются классификаціи. Каждая изъ нихъ много содержитъ въ себѣ своего самобытнаго, проникнутаго началами прошлой и современной государственности. Въ построении государственныхъ преступленийъ ярче, чѣмъ гдѣ-либо, сказывается національный характеръ права, — здѣсь нѣтъ еще той солидарности между законодательствами, которая обнаруживается при регулировании другихъ преступленийъ. Между тѣмъ какъ повсюду въ законодательствахъ очерчены болѣе или менѣе одинаково составы кражи, убійства и другихъ такъ называемыхъ „общихъ“ преступленийъ, — не то замѣчается въ области преступленийъ государственныхъ, столь различно нормируемыхъ различными законодательствами.

Несмотря на свое многовѣковое существованіе въ уголовныхъ кодексахъ, государственныя преступленія далеки еще отъ опредѣленныхъ, законченныхъ понятій, — исторически наслывшаяся казуистика не охотно здѣсь уступаетъ мѣсто законодательной абстракціи. И если одни изъ современныхъ законодательствъ уже достигли нѣкоторыхъ общихъ понятій въ этой области, то большинство все еще продолжаетъ оставаться на почвѣ казуистики, не легко укладывающейся въ рамки сравнительно-правового изложения.

Разнообразіе во внутренней природѣ государственныхъ преступленийъ естественно отражается и на внѣшней ихъ обрисовкѣ. Неодинакова терминологія государственныхъ преступленийъ, раз-

лично ихъ положеніе въ системахъ иностранныхъ законодательствъ. Если главные виды государственныхъ преступленій вполнѣ прочно осѣли на исторически ими занятыхъ мѣстахъ въ кодексахъ, то отдѣльныя изъ этихъ посягательствъ отнюдь не могутъ похвалиться такою осѣдлостью.

Но при всемъ разнообразіи системъ государственныхъ преступленій нельзя однако не замѣтить между ними и крупныхъ признаковъ сходства. Если отрѣшиться отъ національныхъ особенностей, присущихъ отдѣльнымъ кодексамъ, и обратиться къ тому, что является общимъ большинству современныхъ законодательствъ, то можно найти въ нихъ нѣкоторыя типическія черты, способныя служить опорой при классификаціи системъ государственныхъ преступленій. Эта общность между различными законодательствами въ ихъ постановленіяхъ о государственныхъ преступленіяхъ яснѣ всего выступаетъ относительно объектовъ уголовной охраны. Таковыми во всѣхъ законодательствахъ признаются: особа государя и основное устройство государства, а равнымъ образомъ безопасность и могущество государства въ его международномъ положеніи. Въ границахъ этихъ объектовъ исторически сталкиваются и борются за преобладаніе монархическое и народное начала: интересы монарха и его фамиліи, съ одной стороны, интересы народа — съ другой, получаютъ неравнобѣрную оцѣнку на страницахъ уголовного кодекса. Взаимоотношеніе между монархическими и народными интересами, оказывая глубокое вліяніе на общую конструкцію государственныхъ преступленій, даетъ внутреннее основаніе для классификаціи системъ этихъ преступленій. Съ этой точки зрѣнія, современные законодательства могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ группамъ, въ зависимости отъ того, насколько индивидуально-монархическое и коллективно-народное начала получили въ нихъ признаніе и охрану.

Германскія законодательства и англійское право преимущественно воплотили въ себѣ начала монархизма; исходнымъ пунктомъ въ конструкціи государственныхъ преступленій являются здѣсь интересы монарха; идея измѣны государю, подъ вліяніемъ которой исторически развивались въ этихъ законодательствахъ государственныйя преступления, не утратила совершенно своего значенія и по настоящее время. Менѣе преобладающимъ оказывается монархическій элементъ въ французской группѣ законодательствъ, гдѣ вмѣсто идеи измѣны государю выступаетъ на-

чало безопасности государства. Въ законодательствахъ Голландіи, Италіи и Норвегіи интересы народа идутъ рядомъ съ интересами монарха. Охранѣ народныхъ интересовъ въ чистомъ видѣ служатъ постановленія республиканскаго права Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Раздѣляя иностранныя законодательства на четыре группы, въ дальнѣйшемъ ихъ изложеніи мы будемъ слѣдовать тому пути, по которому движется законодательная мысль въ области государственныхъ преступленій: отъ монарха къ народу. По мѣрѣ того, какъ въ законодательствѣ о государственныхъ преступленіяхъ постепенно теряетъ преобладаніе индивидуально-монархической элементъ, все болѣе и болѣе получаютъ признаніе политическіе интересы народа. Но каждая изъ намѣченныхъ нами группъ законодательствъ представляетъ свои особенности и во внѣшней обрисовкѣ государственныхъ преступленій.

Одни изъ законодательствъ для обозначенія государственныхъ преступленій выработали особыя техническія понятія, другія довольствуются общими названіями. Въ германской группѣ законодательствъ и въ англо-американскомъ правѣ мы встрѣчаемся съ техническими понятіями государственныхъ преступленій: „Hochverrat“, „Landesverrat“, „Majestätsbeleidigung“, „high treason“, „treason“. Остальные законодательства, за немногими исключеніями, лишены особыхъ техническихъ понятій и обозначаютъ государственный преступленія, какъ посягательства противъ „безопасности“ или „независимости“ государства, или, просто, какъ посягательства противъ государства.

А. I. Германскія законодательства и англійское право.

§ 1. Самымъ старымъ и консервативнымъ въ германской группѣ законодательствъ является австрійское уголовное уложеніе 27 мая 1852 года. Его постановленія о государственныхъ преступленіяхъ даютъ наиболѣе наглядную иллюстрацію господства монархическихъ началъ въ построеніи этихъ преступленій. Центральный пунктъ здѣсь составляютъ интересы монарха, между тѣмъ какъ политическія права народа отодвинуты на задній планъ.

Въ седьмой главѣ первой части австрійскаго кодекса содержатся постановленія „о преступленіяхъ верховной измѣны, оскорбленіи Величества и членовъ императорскаго дома и нарушеніи

общественнаго спокойствія“ (§§ 58—67). Австрійское законодательство не знает самостоятельнаго преступленія земской измѣны, послѣднее обнимается въ немъ общимъ понятіемъ Hochverrat'a¹⁾. Внѣшняя обрисовка государственныхъ преступленій отличается въ австрійскомъ законодательствѣ крайней примитивностью. Между составами отдѣльныхъ дѣяній законъ не проводитъ ясной разграничительной линіи: въ одной и той же главѣ оказались слитыми такія разнородныя дѣянія, какъ верховная и земская измѣна, оскорбленіе Величества и членовъ императорскаго дома и нарушеніе общественнаго спокойствія.

1) Къ области Hochverrat'a, по дѣйствующему австрійскому праву, относятся посягательства: 1) противъ государя (§ 58 a), 2) формы правленія (§ 58 b), а равно конституціи государства²⁾, 3) государственной территоріи и 4) внѣшней или внутренней безопасности государства (§ 58 c). Преступленіе считается оконченнымъ уже въ стадіи самыхъ отдаленныхъ приготовительныхъ дѣйствій³⁾. Соучастниками въ верховной измѣнѣ признаются попустители и недопустители (§§ 60 и 61), направивъ, дѣятельное раскаяніе — *tätige Reue* — обезпечиваетъ безнаказанность: участника бунтовщическаго сообщества, своевременно открывшаго властямъ соучастниковъ, законъ освобождаетъ отъ наказанія (§ 62).

2) Преступленіе оскорбленія Величества (Majestätsbeleidigung) состоитъ въ нарушеніи долга уваженія по отношенію къ государю (§ 63); сюда не относится оскорбленіе государя дѣйствіемъ, обнимаемое понятіемъ верховной измѣны⁴⁾. По своей природѣ, оскорбленіе Величества въ австрійскомъ правѣ является самостоятельнымъ преступленіемъ, *delictum sui generis*. Иначе конструируется оскорбленіе членовъ императорской фамиліи (§ 64), въ понятіе котораго входитъ также и оскорбленіе дѣйствіемъ. Это — обыкновенное оскорбленіе, квалифицированное только по объекту посягательства⁵⁾.

3) Составъ преступленія, обозначаемого, какъ „Störung der

1) Janka, Das österreichische Strafrecht. 4. Aufl. 1902, s. 311; Die Strafgesetzgebung der Gegenwart. 1 Bd. 1894. S. 144.

2) Art. 1 des. Ges. vom 17. Dezember 1862. Janka, op. cit. ibid.

3) Janka, op. cit. S. 312; Finger, Das Strafrecht. II. B. 2. Auflage. Berlin. 1910. S. 508.

4) Janka, op. cit. S. 314; Finger, op. cit. S. 514; Die Strafgesetzgebung der Gegenwart. S. 144.

5) Finger, op. cit. S. 517—519.

öffentlichen Ruhe“, является чрезвычайно пестрымъ въ австрійскомъ законодательствѣ. Сюда входятъ — возбужденіе презрѣнія или ненависти къ личности государя, государственному союзу имперіи, формѣ правленія, государственной администраціи, возбужденіе къ неповиновенію или противодѣйствию законамъ, отказу отъ платежа налоговъ и др. дѣянія (§ 65). — Въ послѣднихъ двухъ §§ седьмой главы австрійскій кодексъ предусматриваетъ посягательства, направленные противъ иностранныхъ государствъ (§ 66), шпионство и другія сношенія съ непріателемъ (§ 67).

4. Отдѣльно отъ государственныхъ преступленій предусматриваетъ австрійское право посягательства на дѣятельность законодательныхъ собраній и на избирательныя права гражданъ. Что касается законодательныхъ собраній, то послѣднія получаютъ уголовную охрану въ девятой главѣ „Von öffentlicher Gewaltthätigkeit“ совместно съ судами и другими правительственными учрежденіями. — Преступленія противъ избирательнаго права до послѣдняго времени регулировались закономъ 17 декабря 1862 года (Art. VI)¹⁾, предусматривавшимъ избирательный подкупъ и избирательный обманъ; но 26 января 1907 года въ Австріи былъ изданъ новый обширный законъ относительно наказуемости избирательныхъ преступленій²⁾.

§ 2. а). Подобно австрійскому кодексу, дѣйствующее германское уложеніе въ своихъ постановленіяхъ о государственныхъ преступленіяхъ на первомъ мѣстѣ ставитъ личность государя и даетъ усиленную охрану монархическимъ интересамъ. Но въ отношеніи внѣшней обрисовки составовъ государственныхъ преступленій постановленія германскаго уложенія далеко оставляютъ за собою архаическія нормы австрійскаго законодательства. Государственные преступленія, по германскому уложенію, распадутся на слѣдующія пять группъ: 1) верховная и земская измѣна — Hochverrat und Landesverrat (Разд. I, §§ 80—93), 2) оскорбленіе своего государя (Разд. II, §§ 94—97), 3) оскорбленіе союзныхъ государей (Разд. III, §§ 98—101), 4) враждеб-

1) Janka, op. c. S. 321.

2) Gesetz vom 26. Januar 1907, betreffend strafrechtliche Bestimmungen zum Schutze der Wahl- und Versammlungsfreiheit. Reichsgesetzblatt. 1907. X Stück. № 18.

ныя дѣянiя противъ дружественныхъ государствъ (Разд. IV, §§ 102—104) и 5) преступления и проступки, касающiяся осуществленiя политическихъ правъ гражданъ (Разд. V, §§ 105—109).

1. Постановленiя о Hochverrat'ѣ, помѣщенныя въ одномъ раздѣлѣ съ постановленiями о земской измѣнѣ, регулируютъ посягательства, направленные противъ главы государства, основного государственнаго устройства и государственной территорiи (§§ 80 и 81). Обдуманное убiйство (Mord) или покушенiе на такое убiйство императора, своего государя или государя мѣста пребыванiя виновнаго влечетъ за собою смертную казнь, въ большинствѣ же остальныхъ случаевъ верховной измѣны назначается заключенiе въ цухтхаузъ или крѣпость. Въ случаяхъ Hochverrat'a, предусмотрѣннаго § 81 германскаго уложенiя, преступленiе считается оконченнымъ, коль скоро со стороны виновнаго послѣдовало „Unternehmen“*]. Выдѣляя особо нѣкоторыя наиболѣе опасныя приготовительныя дѣйствiя къ Hochverrat'у (§§ 83—85), законъ вмѣстѣ съ тѣмъ облагаетъ наказанiемъ всякое дѣянiе, подготовляющее бунтовщическое предпрiятiе (§ 86).

2. Къ области земской измѣны, по германскому праву, относятся слѣдующiя дѣянiя: а) измѣнническiя сношенiя съ иностраннымъ правительствомъ (§ 87), б) вступленiе на службу въ непрiятельскую армiю (§ 88), в) содѣйствiе непрiятельскому или причиненiе вреда своему войску во время войны противъ германской имперiи (§§ 89 и 90), г) выдача государственныхъ тайнъ, уничтоженiе доказательствъ правъ германской имперiи или одного изъ союзныхъ государствъ по отношенiю къ другому правительству и измѣнническое нарушенiе довѣрiя (§ 92). Постановленiя германскаго уложенiя о земской измѣнѣ дополняются нормами военно-уголовнаго права (Mil. Str. GB. §§ 57—63) и спеціальнымъ закономъ 3 iюля 1893 года, карающимъ за выдачу военныхъ тайнъ¹⁾.

*] Примѣчанiе редактора: Согласно 82-му параграфу германскаго уголовнаго уложенiя, предпрiятiемъ верховной измѣны (als ein Unternehmen, durch welches das Verbrechen des Hochverrats vollendet wird) слѣдуетъ считать всякое дѣйствiе, посредствомъ котораго намѣренiе посягателя непосредственно должно быть приведено въ исполненiе.

1) v a n C a l k e r, Hochverrat und Landesverrat. — Vergleichende Darstellung des Deutschen und Ausländischen Strafrechts. Bes. Teil. 1. Bd. 1906. S. 10; F r a n k, Das Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, 1908. S. 175.

3. Терминомъ „оскорбленіе Величества“ — Majestätsbeleidigung — въ нѣмецкой литературѣ обозначаются дѣянія, предусмотрѣнныя вторымъ и третьимъ раздѣлами уголовного уложенія. Оскорбленіе Величества, какъ оно конструируется въ дѣйствующемъ германскомъ правѣ, представляетъ собою, согласно господствующему мнѣнію, не delictum sui generis, а обыкновенное квалифицированное оскорбленіе ¹⁾. Въ общемъ понятіи оскорбленія законъ различаетъ, насилія — Thätlichkeit — и оскорбленія въ тѣсномъ смыслѣ — Beleidigung. Объектомъ оскорбленія Величества является не только государь, но и члены царствующаго дома, а также регентъ. Такимъ образомъ, уголовно-правовая охрана, даваемая постановленіями второго и третьяго раздѣла уложенія, идетъ гораздо дальше ихъ легальнаго наименованія ²⁾. Неудовлетворительность постановленій германскаго уложенія объ оскорбленіи Величества побудила законодателя къ частичной реформѣ въ этой области, именно 17 февраля 1908 года былъ изданъ законъ, устанавливающій новыя начала относительно преслѣдованія оскорбленія Величества ³⁾.

4. Въ качествѣ „враждебныхъ дѣяній противъ иностранныхъ государствъ“ германское уложеніе караетъ, прежде всего, совершеніе противъ не принадлежащаго къ германской имперіи государства или его государя такого дѣянія, которое, будучи учинено противъ одного изъ государствъ или государей союза, преслѣдовалось бы, какъ Hochverrat (§ 102); далѣе, оскорбленіе государя или регента одного изъ государствъ, не принадлежащихъ къ германской имперіи (§ 103), а также оскорбленіе посланника или повѣреннаго въ дѣлахъ, аккредитованнаго при имперіи, при дворѣ одного изъ союзныхъ государствъ или при сенатѣ одного изъ вольныхъ ганзейскихъ городовъ (§ 104); наконецъ, — преступныя дѣянія по отношенію къ эмблемамъ власти одного изъ государствъ, не принадлежащихъ къ германской имперіи (§ 103 a).

5. Въ группу „преступленій и проступковъ, касающихся осуществленія политическихъ правъ гражданъ“, входятъ преступныя дѣянія: 1) противъ законодательныхъ собраній германской

1) Frank, zu § 95 № 1, S. 187; Binding, Lehrbuch des Allgemeinen Deutschen Strafrechts. Besonderer Teil. II. Bd. 1905. S. 417.

2) Frank, S. 186.

3) Gesetz, betreffend die Bestrafung der Majestätsbeleidigung. Reichsgesetzblatt. 1908. № 7.

имперія или одного изъ союзныхъ государствъ (§§ 105 и 106) и ²⁾ противъ политическаго права выборовъ и голосованія (§§ 107—109).

б). Появившійся въ концѣ 1909 года проектъ германскаго уголовного уложенія¹⁾, по своей систематикѣ государственныхъ преступлений, не многимъ отличается отъ дѣйствующаго германскаго кодекса. Der Entwurf folgt bei Behandlung der sogenannten Staatsverbrechen im wesentlichen der von dem Reichsstrafgesetzbuch beobachteten Systematik²⁾. Государственнымъ преступленіямъ проектъ посвящаетъ первую книгу своей особенной части, озаглавливая ее: „преступленія и проступки противъ государства“.

Въ отличіе отъ дѣйствующаго кодекса, сливающего въ одномъ раздѣлѣ постановленія о верховной и земской измѣнѣ, проектъ особо рассматриваетъ объ эти категоріи посягательствъ, именно, въ первомъ раздѣлѣ проекта содержатся постановленія о Hochverrat'ѣ (§§ 100—103), во второмъ идетъ рѣчь о Landesverrat'ѣ (§§ 104—114). Несмотря на существующія въ литературѣ возраженія противъ употребленія понятій Hochverrat'a и Landesverrat'a, проектъ считаетъ нужнымъ удержать эти понятія, въ виду того, что они давно уже приобрѣли право гражданства какъ въ нѣмецкомъ юридическомъ языкѣ, такъ и въ обычномъ словоупотребленіи. Но сохраняя въ законодательствѣ эти понятія, проектъ, подобно дѣйствующему германскому кодексу, не даетъ имъ легальнаго опредѣленія: свое содержаніе эти понятія должны почерпнуть изъ подчиненныхъ имъ составовъ преступленій³⁾.

Постановленія второго и третьяго раздѣла дѣйствующаго германскаго кодекса объ оскорбленіи Величества проектъ объединяетъ въ третьемъ своемъ раздѣлѣ, озаглавленномъ: „преступленія и проступки противъ неприкосновенности главы государства“ (§§ 115—117). Здѣсь предусматриваются оскорбленія и насильственныя дѣйствія, направленные противъ особы императора или другого союзнаго государя, а равно противъ регента и членовъ фамиліи союзнаго государя.

1) Vorentwurf zu einem Deutschen Strafgesetzbuch. Bearbeitet von der hiezubestellten Sachverständigen-Kommission. Veröffentlicht auf Anordnung des Reichs-Justizamts. Berlin. 1909.

2) Vorentwurf zu einem Deutschen Strafgesetzbuch... Begründung. Besonderer Teil. 1909. S. 411.

3) Begründung, S. 411 и 412.

Въ четвертомъ раздѣлѣ проекта содержатся постановленія о преступленіяхъ и проступкахъ, касающихся осуществленія политическихъ правъ гражданъ (§§ 118—122).

Постановленіями пятого раздѣла дается уголовная охрана иностраннымъ государствамъ (§§ 123—125).

Не внося какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ эту область законодательства, проектъ обладаетъ однимъ важнымъ преимуществомъ по сравненію съ дѣйствующимъ германскимъ кодексомъ: послѣдній не знаетъ общей группы государственныхъ преступленій, между тѣмъ какъ проектъ объединяетъ всѣ отдѣльные виды этихъ посягательствъ въ общую категорію преступленій противъ государства. Нужно, однако, замѣтить, что объектъ этой группы преступленій является въ проектѣ слишкомъ широкимъ. Кромѣ верховной и земской измѣны, оскорбленія Величества, преступленій, касающихся осуществленія политическихъ правъ гражданъ и преступленій противъ иностранныхъ государствъ, проектъ помѣстилъ въ своей первой книгѣ еще возстаніе противъ государственной власти (Разд. VI) и преступленія противъ публичнаго порядка (Разд. VII). Послѣднія двѣ категоріи преступленій едва-ли могутъ считаться посягательствами противъ государства въ его цѣломъ. И сами составители проекта, говоря о государственныхъ преступленіяхъ, повидимому, разумѣли подъ этими преступленіями только посягательства, предусмотрѣнные въ пяти первыхъ раздѣлахъ проекта¹⁾.

§ 3. На почвѣ германскаго права стоитъ венгерское уголовное уложеніе 1878 года, но систематика государственныхъ преступленій имѣетъ въ немъ и нѣкоторыя свои особенности, отличающія ее отъ систематики германскаго уложенія. Государственнымъ преступленіямъ венгерское уложеніе посвящаетъ первые три раздѣла своей особенной части: въ первомъ предусматривается верховная измѣна (§§ 126—138), во второмъ — насиліе противъ короля и членовъ королевскаго дома, а также оскорбленіе короля (§§ 139—141), въ третьемъ — государственная измѣна (§§ 142—151). Отдѣльно отъ государственныхъ преступленій венгерское уложеніе помѣщаетъ посягательства на законодательныя собранія и на избирательныя права гражданъ.

1. Конструкція верховной измѣны здѣсь та же, что въ австрійскомъ и германскомъ правѣ. Объектами уголовной охраны

1) Begründung, S. 411.

являются: 1) государь (§ 126), 2) порядок престолонаследія, 3) венгерское государственное устройство, существующее государственное единство между землями венгерскаго государства и союзъ между венгерскимъ государствомъ и другимъ государствомъ австро-венгерской монархіи, 4) государственная территория (§ 127). Въ отличіе отъ германскаго права, приготовленіе подлежитъ наказанію только въ томъ случаѣ, если оно относится къ верховной измѣнѣ, направленной противъ конституціи или территоріи государства (§ 133). Особо упоминаетъ венгерское уложеніе о бунтовщическомъ сообществѣ (§§ 130—132), а также о публичномъ возбужденіи къ верховной измѣнѣ (§ 134). Здѣсь же законъ угрожаетъ наказаніемъ за недонесеніе о верховной измѣнѣ (§ 135) и общаетъ безнаказанность въ случаѣ своевременнаго доноса (§§ 136 и 137).

2. Во второй главѣ венгерскаго уложенія предусматриваются насильственные и оскорбительныя дѣйствія противъ короля (§§ 139 и 140). Въмѣстѣ съ королемъ охраняются отъ насилія и оскорбленія члены королевскаго дома (§ 141). Терминъ „оскорбленіе Величества“ не извѣстенъ венгерскому уложенію.

3. Къ области государственной измѣны венгерское уложеніе относитъ слѣдующія дѣянія: 1) измѣнническія посягательства на мирныя отношенія государства (§ 142), 2) вступленіе на службу въ непріятельское войско (§ 143), 3) измѣнническое способствованіе непріятелю (§ 144) и 4) выдачу государственныхъ тайнъ (§§ 146 и 147).

4. Въ раздѣлѣ четвертомъ уложенія, озаглавленномъ: „Возстаніе“, регулируются посягательства на дѣятельность рейхстага, учиняемыя скопищами (§ 152). О посягательствахъ же на отдѣльныхъ членовъ законодательнаго собранія идетъ рѣчь въ слѣдующемъ раздѣлѣ, предусматривающемъ „насилъственные дѣйствія надъ правительственными учрежденіями, членами рейхстага и органами власти“ (§ 163). Избирательнымъ преступленіямъ венгерское уложеніе посвящаетъ восьмой раздѣлъ: „преступленія и проступки противъ избирательнаго права“, — гдѣ въ длинномъ рядѣ статей (§§ 178—189) казуистически регулируются этого рода посягательства.

§ 4. а). Наибольше родственнымъ германскому уложенію по систематикѣ государственныхъ преступленій, а равно по конструк-

ці отдѣльныхъ ихъ составовъ является проектъ австрійскаго уголовного уложенія 1893 года¹⁾.

Государственнымъ преступленіямъ онъ посвящаетъ первыя четыре главы своей особенной части. Въ первой главѣ предусматриваются верховная и государственная измѣна и проступки противъ военнаго могущества государства (§§ 84—94), во второе — оскорбленіе Величества, нарушеніе долга уваженія по отношенію къ государю, насильственные дѣйствія противъ членовъ императорскаго дома и оскорбленіе послѣднихъ (§§ 95—99), въ третьей — преступныя дѣянія противъ дружественныхъ государствъ (§§ 100—104) и въ четвертой — преступленія и проступки, касющіеся дѣятельности публичныхъ представительныхъ учреждений и выборовъ въ таковыя (§§ 105—109).

1. Конструкція верховной измѣны — Hochverrat'a, въ австрійскомъ проектѣ такова же, какъ и въ дѣйствующемъ германскомъ уложеніи. Объектами охраны являются: особа государя, порядокъ престолонаслѣдія, основные государственные законы, конституціи областей, имѣющихъ представителей въ рейхсратѣ, союзъ между этими областями и областями венгерской короны и государственная территорія (§ 84). Проектъ предусматриваетъ особые случаи приготовленія къ Hochverrat'у (§ 85), но вмѣстѣ съ тѣмъ облагаетъ наказаніемъ всякое вообще дѣяніе, подготавливающее попытку къ верховной измѣнѣ (§ 86).

2. Для обозначенія измѣнническихъ дѣяній проектъ, вмѣсто употребляемого германскимъ уложеніемъ термина „Landesverrat“, вводитъ выраженіе „Staatsverrat“ и въ отличіе отъ германскаго права особо упоминаетъ о проступкахъ противъ военнаго могущества государства. Къ области государственной измѣны проектъ относитъ слѣдующія дѣянія: 1) участіе австрійскаго подданнаго въ войнѣ противъ австрійской имперіи или оказаніе содѣйствія непріятелю (§ 87), 2) нарушеніе государственныхъ тайнъ, 3) уничтоженіе доказательствъ, удостовѣряющихъ права австрійскаго государства относительно другой державы, 4) веденіе порученнаго правительствомъ государственнаго дѣла съ другимъ правительствомъ во вредъ австрійскому государству и 5) причиненіе или увеличеніе военной опасности для монархіи (§ 88). — Въ качествѣ проступковъ противъ военнаго могущества государства

1) 709 der Beilagen zu den Stenogr. Protokollen des Abgeordnetenhauses. XI. Session. 1893.

проектъ разсматриваетъ — вербованіе солдатъ безъ разрѣшенія правительства для военной службы иностраннаго государства (§ 90), шпіонство въ мирное время (§ 91), опубликованіе свѣдѣній, касающихся военныхъ дѣлъ государства (§ 92), подстрекательство лица, находящагося на военной службѣ къ дезертирству или иному служебному преступленію, а равно пособничество къ учиненію этого рода дѣяній (§ 93) и нарушеніе договоровъ о поставкѣ въ военное время (§ 94).

3. Понятіемъ оскорбленія Величества по австрійскому проекту обнимается насиліе — *Tätlichkeit* или угроза насиліемъ по отношенію къ государю, а также оскорбленіе — *Beleidigung* — въ собственномъ смыслѣ (§§ 95 и 96). Кромѣ того, австрійскій проектъ предусматриваетъ публичное нарушеніе долга уваженія по отношенію къ государю (§ 97). Вмѣстѣ съ государемъ и члены императорскаго дома во второй главѣ проекта получаютъ усиленную охрану противъ насилія и оскорбленія (§§ 98 и 99).

4. Къ преступнымъ дѣяніямъ противъ дружественныхъ государствъ австрійскій проектъ относитъ верховную измѣну противъ иностраннаго государства или его главы (§ 100), оскорбленіе иностраннаго монарха или главы иностраннаго государства (§ 101), а равно оскорбленіе посланника или повѣреннаго въ дѣлахъ иностраннаго государства (§ 102). Здѣсь же помѣщено постановленіе, касающееся нарушенія постановленій о нейтралитетѣ (§ 103).

5. Въ четвертой главѣ австрійскаго проекта предусматриваются посягательства, направленные противъ дѣятельности публичныхъ представительныхъ учреждений (§§ 105 и 106) и противъ публичнаго права выборовъ и голосованія (§§ 107—109).

б). Съ иною систематикой государственныхъ преступленій встречаемся мы въ новомъ проектѣ австрійскаго уголовного уложенія ¹⁾.

Проектъ 1909 года объединяетъ бунтовщическія и измѣнническія дѣянія въ седьмомъ раздѣлѣ особенной части, озаглавливая эти посягательства, какъ „преступныя дѣянія противъ бытія и безопасности государства“. Въ слѣдующихъ раздѣлахъ проектъ предусматриваетъ: участіе въ воинскихъ преступленіяхъ и недозволенное вербованіе солдатъ. (Разд. VIII), *Majestätsbeleidigung*

1) Vorentwurf zu einem österreichischen Strafgesetzbuch und zu dem Einführungsgesetze. September 1909. Wien. 1909.

и оскорбленіе членовъ императорскаго дома (Разд. IX), преступныя дѣянія противъ областей венгерской короны и противъ Босніи и Герцеговины (Разд. X), преступныя дѣянія противъ иностранныхъ государствъ и сувереновъ (Разд. XI) и, наконецъ, преступныя дѣянія противъ представительныхъ учреждений и публичныхъ корпорацій (Разд. XII). Въ группу преступленийъ противъ бытія и безопасности государства проектъ относитъ не только преступленія верховной измѣны, Hochverrat и длинный рядъ измѣнническихъ дѣяній, но также новый деликтъ — способствованіе анархистическимъ предпріятіямъ. Преступленіе верховной измѣны проектъ конструируетъ, какъ дѣяніе, непосредственно направленное на осуществленіе посягательства противъ государя, конституціи или территоріи государства; наказанію подлежитъ всякое приготовленіе къ верховной измѣнѣ (§§ 109, 110, 112). Вслѣдъ за постановленіями о верховной измѣнѣ проектъ предусматриваетъ участіе въ сообществѣ, ставящемъ своею цѣлью уничтоженіе государственнаго или общественнаго порядка (§ 113). Всѣ остальные постановленія седьмого раздѣла относятся къ области государственной измѣны. Проектъ не знаетъ общаго названія для обозначенія этихъ посягательствъ; терминомъ „Staatsverrat“ въ проектѣ обнимаются только три вида измѣны: нарушеніе государственныхъ тайнъ, уничтоженіе доказательствъ о правоотношеніяхъ между австрійскимъ и иностраннымъ государствомъ и веденіе порученнаго государственнаго дѣла ко вреду имперіи (§ 116). Изъ новыхъ преступленийъ, предусматриваемыхъ проектомъ, обращаетъ вниманіе — участіе въ займѣ враждебнаго государства во время войны (§ 121). Кромѣ того, въ девятомъ раздѣлѣ проекта содержится новое постановленіе объ оскорбленіи умершаго члена императорскаго дома, если со времени его смерти не прошло 30 лѣтъ (§ 137). Нововведеніемъ является десятый раздѣлъ проекта, регулирующий посягательства противъ Венгріи, Босніи и Герцеговины (§§ 138—140). Къ числу посягательствъ противъ иностранныхъ государствъ проектъ присоединяетъ новое преступленіе — поруганіе державнаго знака иностраннаго государства (§ 144). — Весьма подробно регулируются въ проектѣ преступленія противъ представительныхъ учреждений и публичныхъ корпорацій. Въ эту группу преступленийъ проектъ относитъ слѣдующія посягательства: нарушеніе дѣятельности представительнаго учрежденія или публичной корпораціи (§ 146), принужденіе или подкупъ членовъ этихъ учреждений (§§ 147—150), под-

логъ голосованія (§ 151) и униженіе (Herabwürdigung) представительнаго учрежденія (§ 152).

§ 5. Ни одно изъ современныхъ законодательствъ не сохранило на себѣ такого мощнаго вліянія исторіи, какъ англійское право въ его постановленіяхъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Основнымъ понятіемъ въ области государственныхъ преступленій по англійскому праву является понятіе „высокой измѣны“, high treason. Treason, получившая свое имя отъ trahir — измѣнять, была уже извѣстна древнѣйшему англійскому праву¹⁾. По common law, въ понятіи различались два вида: высокая измѣна — high treason, состоявшая въ нарушеніи долга подданнической вѣрности государю, и малая измѣна — petty treason, обозначающая предумышленное убійство, квалифицированное наличностью особыхъ отношеній вѣрности между убійцею и его жертвою, напр. убійство женою мужа, священникомъ епископа и т. п. На основаніи статута 1828 года (9 Geo. IV. с. 31, s. 2), „малая измѣна“ была уравнена съ обыкновеннымъ убійствомъ, такъ что въ настоящее время high treason является единственнымъ видомъ измѣны²⁾.

Основы дѣйствующаго права объ измѣнѣ положилъ въ 1351 году знаменитый статутъ Эдуарда III (Statute of Treasons, 25 Edw. III. с. 2), явившійся въ результатъ успѣшной для дворянства борьбы съ королевской властью. Согласно этому статуту, высокой измѣной признаются слѣдующія дѣянія: 1) злоумышленіе на жизнь короля, королевы или старшаго сына короля, 2) вступленіе въ связь съ супругой короля, или его старшей незамужней дочерью, или супругой старшаго сына короля, 3) начатіе войны противъ государя на его территоріи, 4) оказаніе помощи врагамъ короля, 5) убійство канцлера или лорда казначея или королевскихъ судей во время исполненія ими своихъ обязанностей, 6) поддѣлка большой королевской печати или монеты и 7) выпускъ въ страну фальшивой монеты.

1) Stephen, A history of the criminal law of England. Vol II. London. 1893. p. 241—297; Pollock and Maitland, The history of english law. Vol. II. Cambridge. 1895. p. 498—507.

2) Kenny, Outlines of criminal law. Cambridge. 1904. p. 264; Pollock and Maitland op. cit. p. 502 n. 4.

Послѣднія два преступленія статутомъ 1832 года исключены изъ области высокой измѣны и караются, какъ felony¹⁾.

Судейская интерпретація постановленій статута 1351 года и рядъ позднѣйшихъ законовъ расширили объемъ высокой измѣны и внесли новыя начала въ природу этого преступленія. Послѣдній законъ, изданный при Викторіи въ 1848 году (11 Vict. c. 12), выдѣлилъ изъ общаго широкаго понятія высокой измѣны менѣе тяжкіе случаи, карая ихъ, какъ felony²⁾.

Такимъ образомъ, по дѣйствующему англійскому праву, различаются — high treason, облагаемая смертной казнью, и „treasonable felonies“ или „treason felonies“, караемая пожизненной каторгой. Кроме того, въ англійскомъ правѣ существуетъ еще рядъ деликтовъ бунтовщическаго и измѣнническаго характера, которые не причисляются ни къ „treason“, ни къ treasonable felonies³⁾.

Развившись первоначально изъ идеи нарушенія долга вѣрности государю, съ теченіемъ времени въ интерпретаціи судовъ государственныя преступленія получили иное обоснованіе: феодальное понятіе измѣны, какъ нарушенія долга личной вѣрности государю, было замѣнено идеей общественнаго блага, на которое посягаетъ измѣнникъ. Согласно этому новому воззрѣнію, измѣна представляетъ собою преступленіе, имѣющее цѣлью насильственно ниспровергнуть публичный строй государства. Такимъ образомъ, на мѣсто короля, въ качествѣ объекта охраны, былъ поставленъ народъ, именемъ измѣны стали обозначать „скорѣе дѣянія непатріотическія, нежели содержація въ себѣ нарушеніе подданнической вѣрности“⁴⁾. Однако, и старое понятіе объ измѣнѣ не исчезло совершенно въ современномъ англійскомъ правѣ. Иностранецъ внѣ англійской территоріи не можетъ совершить высокой измѣны; ответственности за измѣну онъ подлежитъ только въ томъ случаѣ, если находится на территоріи англійской имперіи и пользуется защитой короля⁵⁾. Характерна также внѣшняя об-

1) Kenny, op. cit. p. 265—270; Pollock and Maitland, op. cit. p. 501 n. 1.

2) Kenny, op. cit. p. 274; Die StrGB. der Gegenwart. I. Bd. Schuster. S. 637.

3) Schuster, op. cit. S. 638.

4) Стифенъ, Уголовное право Англій въ краткомъ очертаніи. Перев. В. Спасовичъ. Спб. 1865. с. 144—145; Kenny, op. cit. p. 272.

5) Kenny, op. cit. p. 271.

рисовка преступления высокой измены по английскому праву: во всех случаях high treason объектом посягательства является личность короля. Направляется ли дѣяніе против конституціи или территоріи государства, по конструкціи англійскаго права, въ каждомъ случаѣ это дѣяніе посягаетъ на личность короля.

1. Англійское право не проводитъ различія между бунтовщическими и изменническими посягательствами, обнимая ихъ однимъ общимъ понятіемъ высокой измены¹⁾. Кромѣ посягательствъ на особу короля, входящихъ въ понятіе high treason и treasonable felonies, англійское право предусматриваетъ подъ именемъ „high misdemeanor“ рядъ мелкихъ дѣяній противъ неприкосновенности короля²⁾.

2. Къ категоріи дѣяній, нарушающихъ достоинство верховной власти, въ англійскомъ правѣ принадлежатъ — оскорбленіе короля, „contempt against the king“³⁾ и „seditious words and libels“⁴⁾. Но будучи наказуемо по буквѣ закона, фактически оскорбленія короля, повидимому, не подлежатъ преслѣдованію въ современной англійской практикѣ⁵⁾.

3. Преступныя посягательства противъ парламента англійское право ставитъ наряду съ посягательствами противъ короля, карая ихъ въ однихъ случаяхъ, какъ high treason, въ другихъ — какъ treasonable felonies⁶⁾. Главными видами избирательныхъ преступленій, по англійскому праву, являются — принужденіе избирателя (undue influence), подкупъ (bribery and treating) и избирательный обманъ (personation)⁷⁾. Всѣ эти преступленія чрезвычайно казуистически регулируются въ рядѣ спеціальныхъ законовъ.

4. Своеобразно конструируется въ англійскомъ правѣ группа преступленій, касающихся международныхъ отношеній государства. Подъ именемъ „offences against external tranquility“ и „offences against foreign nations“ предусматриваются преступленія, нарушающія правила о нейтралитетѣ: бунтовщическія же посягатель-

1) Schuster, op. cit. S. 637.

2) Stephen, A digest of the criminal law (Crimes and punishments) Sixth edition. London 1904. Art. 69; Schuster, op. cit. p. 639.

3) Stephen, A digest of the crim. law. Art. 70.

4) Stephen, ib. Art. 96.

5) Van Calker, Vergleich. Darstellung. I. S. 102.

6) Schuster, op. cit. S. 637.

7) Schuster, ib. S. 644.

ства противъ иностраннаго государства частью остаются безнаказанными, частью регулируются общими постановленіями закона. Въ оскорбленіи главы иностраннаго государства англійское право особенно выдвигаетъ субъективный моментъ — намѣреніе виновнаго нарушить мирныя отношенія между Англійей и другимъ государствомъ. Постановленія, охраняющія дипломатическихъ представителей, основываются съ одной стороны на идеѣ иммунитета, съ другой на идеѣ поддержанія мирныхъ отношеній¹⁾.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ постановленія англійскаго права о государственныхъ преступленіяхъ.

Составленный въ 1879 году Стифеномъ проектъ уголовного кодекса²⁾ остался на почвѣ дѣйствующаго законодательства о государственныхъ преступленіяхъ, исключивъ лишь изъ области высокой измѣны такіе „археологическіе курьезы“, какъ изнасилованіе старшей дочери короля, убійство канцлера, казначея или королевскихъ судей³⁾.

II. Code pénal 1810 года и родственныя ему законодательства.

§ 6. Вмѣсто идеи измѣны, которая, какъ отголосокъ историческаго прошлаго, все еще слышится въ постановленіяхъ о государственныхъ преступленіяхъ англо-германскаго права, законодательства французской группы на первый планъ выдвигаютъ начало безопасности государства. Кладя начало безопасности въ основу своихъ постановленій о государственныхъ преступленіяхъ, эти законодательства съ полной ясностью обозначаютъ объектъ государственныхъ преступленій. И въ этомъ отношеніи нельзя не признать значительнаго ихъ преимущества предъ германскими законодательствами. Но превосходя германскія законодательства широтою общаго построенія государственныхъ преступленій, францужско-бельгійское право замѣтно уступаетъ имъ въ точности юридической формулировки. Конструкція государственныхъ пре-

1) Gerland, Feindliche Handlungen gegen befreundete Staaten. Vergl. Darst. I. S. 154—155, 182—183, 200; Schuster, op. cit. S. 639.

2) Criminal Code (Indictable Offences) Bill. Title II. Part. V. High Treason and other Offences against the Queen's Authority and Person (75—83).

3) Стифенъ, Уголовное право Англии, с. 146; Stephen, A history of the criminal law, p. 283.

ступлений во французскомъ правѣ отличается расплывчатостью и неопредѣленностью; широко понятая идея государственной безопасности повела къ зачисленію въ категорію государственныхъ преступлений дѣяній, неоднородныхъ по ихъ юридической природѣ; не проведено рѣзкихъ юридическихъ границъ между отдѣльными составами государственныхъ преступлений. Принятое этими законодательствами дѣленіе государственной безопасности на внѣшнюю и внутреннюю, сообщая построению государственныхъ преступлений видимую стройность, логически едва-ли можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ безопасность по существу своему — едина и не дѣлима. Неопредѣленность конструкции государственныхъ преступлений въ французской группѣ законодательствъ обуславливается также отсутствіемъ у большинства изъ этихъ законодательствъ терминологіи для обозначенія отдѣльных видовъ государственныхъ преступлений. Существующее въ французскомъ правѣ общее названіе для государственныхъ преступлений „délits politiques“ способствовало лишь смѣшенію понятій въ этой области.

а). Французскій уголовный кодексъ 6 октября 1791 года былъ первымъ законодательствомъ, положившимъ идею безопасности государства въ основу построения государственныхъ преступлений¹⁾. Его постановленія вошли въ Code pénal 1810 года, а отсюда были заимствованы цѣлымъ рядомъ европейскихъ законодательствъ. Созданныя для охраны монархическаго строя, нормы о государственныхъ преступленіяхъ безъ всякихъ измѣненій перешли на службу республиканской Франціи. Въ дѣйствующемъ французскомъ кодексѣ государственныя преступленія отнесены къ группѣ посягательствъ противъ публичнаго строя и озаглавливаются, какъ „Crimes et délits contre la sûreté de l'État“.

1. На первомъ мѣстѣ французскій кодексъ ставитъ преступленія и проступки противъ внѣшней безопасности государства (Sec. I. Des crimes et délits contre la sûreté extérieure de l'État. Art. 75—85). Предусмотрѣнныя здѣсь дѣянія, по своему содержанію, относятся главнымъ образомъ къ области государственной измѣны. Такъ, законъ предусматриваетъ: поднятіе французомъ оружія противъ отечества (Art. 75), тайныя сношенія съ иностраннымъ правительствомъ съ цѣлью побудить его къ враж-

1) Le Comte, Des complots et attentats contre la sûreté de l'État au point de vue des lois pénales et constitutionnelles. Paris. 1901. p. 9.

дебнымъ дѣйствіямъ или войнѣ противъ Франціи (Art. 76), способствованіе непріятелю (Art. 77), переписку съ подданными непріятельской державы (Art. 78), выдачу тайнъ (Art. 80—82), укрывательство шпионовъ (Art. 83). Постановленія уголовного кодекса дополняются специальнымъ закономъ о шпионствѣ 18 апрѣля 1886 года¹⁾. Но кромѣ измѣническихъ посягательствъ, въ этомъ же отдѣлѣ кодекса предусматриваются неодобренныя правительствомъ враждебныя дѣйствія (actions hostiles), подвергающія государство опасности войны или репрессалій (Art. 84—85). — Законъ о печати 29 іюля 1881 года угрожаетъ наказаніемъ за публичное оскорбленіе главы иностраннаго государства (Art. 36) или дипломатическихъ представителей, аккредитованныхъ при французскомъ правительствѣ (Art. 37).

2. Во второмъ отдѣлѣ разсматриваемой главы содержатся постановленія о преступленіяхъ противъ внутренней безопасности государства (Sec. II. Des crimes contre la sûreté intérieure de l'État). Законъ различаетъ двѣ группы дѣяній этого рода: а) посягательства и заговоры противъ императора и его фамиліи (Art. 86—90) и б) преступленія, имѣющія цѣлью смутить государство гражданскою войною, незаконнымъ употребленіемъ военной силы, публичнымъ разрушеніемъ и грабежомъ (Art. 91—101).

а). Большинство постановленій, регулирующихъ преступленія первой группы, съ введеніемъ республиканскаго строя, утратили практическое значеніе за отсутствіемъ соответствующихъ объектовъ охраны. Посягательства на жизнь президента республики подлежатъ дѣйствію общихъ законовъ объ „assassinat“; оскорбленіе же главы республики регулируется специальнымъ закономъ о печати 1881 года (Art. 26). Остались въ силѣ постановленія о посягательствахъ и заговорахъ противъ формы правленія (Art. 87).

б). Вторая группа дѣяній носитъ крайне пестрый характеръ. Сюда входятъ: возбужденіе гражданской войны, опустошеніе, рѣзня и грабежъ въ одной или многихъ общинахъ (Art. 91), незаконное употребленіе публичной власти (Art. 92—94), поджогъ или разрушеніе государственной собственности (Art. 95), образованіе вооруженныхъ шайкъ (Art. 96—98).

3. Въ первомъ отдѣлѣ второй главы французскаго кодекса, предусматривающей посягательства противъ конституціи, регули-

1) Deturbet, L'espionnage et la trahison. Paris. 1897. p. 84.

руются преступления и проступки, касающіеся осуществленія политическихъ правъ гражданъ (*Des crimes et délits relatifs à l'exercice des droits civiques*. Art. 109—113). Однако эти постановленія имѣютъ лишь субсидіарный характеръ, такъ какъ главное значеніе въ области избирательныхъ преступленій принадлежитъ спеціальнымъ законамъ.

б). На почвѣ французскаго права стоять уголовные кодексы Бельгіи 1867 г., Люксембургскій 15 окт. 1879 г. и Монако 19 дек. 1874 г.

Подобно французскому Code pénal, бельгійское уголовное уложеніе конструируетъ государственныя преступленія, какъ посягательства противъ безопасности государства (*Livre II, titre I*). Первое мѣсто въ этомъ кодексѣ занимаютъ постановленія, нормирующія посягательства и заговоры противъ короля, королевскаго дома и формы правленія (*Ch. I. Art. 101—112*). Въ Art. 104 бельгійскаго кодекса, предусматривающемъ посягательства на форму правленія, рядомъ съ королевской властью особо упоминаются законодательныя камеры. — Во второй главѣ кодекса предусматриваются преступленія и проступки противъ внѣшней безопасности государства (*Art. 113—123*), въ третьей — преступленія противъ внутренней безопасности государства (*Art. 124—136*). — Преступленія противъ политическихъ правъ гражданъ, по образцу французскаго права, регулируются постановленіями уголовнаго кодекса (*Art. 137—141*), которыя впоследствии были замѣнены специальными законами.

§ 7. Дѣленіе государственной безопасности на внѣшнюю и внутреннюю кладется въ основу постановленій о государственныхъ преступленіяхъ уголовнымъ правомъ Испаніи и Португаліи. Но въ границахъ этой систематики испанскій и португальскій кодексы представляютъ свои существенныя особенности, отличающія ихъ отъ французско-бельгійскаго права.

а). Испанскій уголовный кодексъ — *Código penal* 30 августа 1870 года — въ первомъ раздѣлѣ своей особенной части предусматриваетъ преступленія противъ внѣшней безопасности государства (*Delitos contra la seguridad exterior del Estado*). Къ этой группѣ преступленій онъ относитъ измѣнническія дѣянія (*Cap. I*), преступленія, подвергающія опасности мирныя отношенія или независимость государства (*Cap. II*), преступленія противъ международнаго права (*Cap. III*) и пиратство (*Cap. IV*). Понятіе из-

мѣны, „traición“, развившись исторически изъ идеи нарушенія долга вѣрности королю и отечеству¹⁾, по дѣйствующему испанскому праву обнимаетъ: побужденіе иностраннаго государства къ войнѣ противъ Испаніи, способствованіе непріятелю или причиненіе вреда своей арміи, склоненіе испанскихъ отрядовъ къ переходу къ непріятелю, вербованіе солдатъ для непріятельской арміи, выдачу тайнъ и другія дѣянія (Art. 136 и сл.). Къ преступленіямъ, подвергающимъ опасности мирныя отношенія или независимость государства, испанскій кодексъ относитъ: незаконное объявленіе или исполненіе папскихъ буллъ или распоряженій иностранныхъ правительствъ, недозволенные дѣйствія, подающія поводъ къ войнѣ или репрессаліямъ, переписку съ непріятельской страной въ военное время (§§ 194—152). Въ третьей и четвертой главѣ испанскаго кодекса предусматриваются посягательства противъ иностранныхъ государей (§§ 153 и 154) и пиратство (§§ 155 и 156). Послѣднее преступленіе съ особенной подробностью регулируется въ испанскомъ кодексѣ.

Второй раздѣлъ испанскаго кодекса посвященъ преступленіямъ противъ конституціи. Сюда принадлежатъ: оскорбленіе величества, преступленія противъ кортесовъ, совѣта министровъ и формы правленія. Терминъ: оскорбленіе величества, „delitos de lesa Majestad“, имѣетъ въ испанскомъ законодательствѣ широкое значеніе. Этимъ терминомъ обнимается убійство короля, наслѣдника престола или регента, посягательство на ихъ свободу или тѣлесную неприкосновенность, оскорбленіе и угроза въ отношеніи этихъ лицъ. За нарушеніе права кортесовъ учреждать регентство испанскій кодексъ угрожаетъ наказаніемъ членамъ королевскаго дома, министрамъ и другимъ чиновникамъ. Въ §§ 167—177 испанскаго уложенія охраняется неприкосновенность мѣстопробыванія кортесовъ, а также безопасность каждаго члена отъ угрозъ, оскорбленія и насилія. Аналогичную охрану получаетъ совѣтъ министровъ и каждый изъ его членовъ. Посягательствомъ на форму правленія испанскій кодексъ считаетъ попытку измѣнить незаконными средствами конституцію государства, лишить короля, кортесовъ или регента принадлежащихъ имъ правъ, измѣнить порядокъ престолонаслѣдія или препятствовать временному регенту принять его должность (§ 181)²⁾.

1) Die Strafgesetzgebung der Gegenwart. I. Bd. S. 495.

2) Die StrGB. der Gegenwart. S. 516—517.

Систематика государственныхъ преступленій дѣйствующаго испанскаго права сохранилась и въ проектѣ уголовного уложенія 1884 года¹⁾, измѣнено только заглавіе втораго раздѣла, который по проекту долженъ обнимать преступленія противъ внутренней безопасности государства (*contra la seguridad interior del Estado*) и противъ конституціи.

б). Португальскій уголовный кодексъ 16 сентября 1886 года, подобно французскому законодательству, рассматриваетъ государственныя преступленія, какъ посягательства, направленные противъ безопасности государства (*Tit. II. Dos crimes contra a segurança do Estado*).

Первая глава втораго раздѣла содержитъ постановленія о преступленіяхъ противъ внѣшней безопасности государства, вторая — о преступленіяхъ, нарушающихъ интересы государства въ международныхъ отношеніяхъ, третья — о преступленіяхъ противъ внутренней безопасности государства. Последняя глава въ свою очередь подраздѣляется на два отдѣленія, изъ которыхъ первое предусматриваетъ посягательства противъ короля и его фамиліи, а второе — бунтъ.

Къ преступленіямъ противъ внѣшней безопасности государства португальскій кодексъ относитъ слѣдующія дѣянія: поднятіе португальскимъ подданнымъ оружія противъ своего отечества, побужденіе иностраннаго государства къ войнѣ противъ Португаліи, содѣйствіе непріятелю, вступленіе въ недозволенные сношенія съ иностранными подданными, переходъ безъ разрѣшенія правительства въ страну непріятеля, неоставленіе службы въ непріятельской странѣ, недозволенные дѣйствія, подвергающія государство опасности войны или репрессалій (*Art. 141—149*).

Во второй главѣ португальскаго кодекса о посягательствахъ на международныя отношенія государства предусматриваются: злоупотребленіе полномочіями ко вреду португальскаго народа при веденіи дѣла съ иностраннымъ государствомъ, выдача тайнъ, нарушеніе границъ португальской территоріи, натурализація за границей безъ разрѣшенія правительства, неразрѣшенное вербованіе солдатъ для иностраннаго государства, преступленія дипломатическихъ представителей, оскорбленіе иностранныхъ государей и дипломатическихъ представителей, пиратство и др. дѣянія (*Art. 152 etc.*). Что касается преступленій противъ внутренней

1) *Proyecto de Código penal. Madrid 1885. p. 125—141.*

безопасности государства, то къ этой категоріи дѣяній португальскій кодексъ относитъ, прежде всего, посягательства на жизнь короля, наслѣдника престола и регента (Art. 163), а также членовъ королевской фамиліи (Art. 166), посягательства на тѣлесную неприкосновенность этихъ лицъ, а равно оскорбленіе ихъ (Art. 168 и 169). — Подъ именемъ бунта (rebellião) португальскій кодексъ разумѣетъ посягательства, имѣющія цѣлью уничтожить или измѣнить форму правленія или порядокъ престолонаслѣдія, или низложить короля или регента или лишить ихъ свободы (Art. 170). Къ области бунта принадлежатъ также посягательства на независимость государства, возбужденіе гражданской войны или возстанія противъ королевской власти или власти министровъ, а также посягательства противъ законодательныхъ собраній (Art. 171).

III. Законодательства Голландіи, Италіи и Норвегіи.

§ 8. Уголовные кодексы Голландіи, Италіи и Норвегіи въ своихъ постановленіяхъ о государственныхъ преступленіяхъ стремятся дать равную охрану интересамъ монарха и народа.

Монархъ выступаетъ здѣсь, какъ представитель государства, и въ качествѣ такового получаетъ усиленную уголовную охрану. Личные интересы монарха уступаютъ мѣсто государственнымъ интересамъ, воплощающимся въ главѣ государства. Такой взглядъ на монарха имѣетъ своимъ послѣдствіемъ уравненіе въ уголовно-юридическомъ отношеніи регента съ государемъ.

Дѣятельность парламента охраняется итальянскимъ и норвежскимъ законодательствами точно также, какъ и дѣятельность государя.

Итальянскій уголовный кодексъ идетъ еще дальше: наряду съ оскорбленіемъ государя въ немъ облагается наказаніемъ оскорбленіе законодательныхъ собраній.

Конструируя государственный преступленія, какъ посягательства противъ безопасности государства, эти законодательства, въ противоположность французскому праву, не знаютъ дѣленія государственной безопасности на внѣшнюю и внутреннюю.

Въ нидерландскомъ уголовномъ уложеніи нѣтъ понятій, соотвѣтствующихъ нашимъ бунту или государственной измѣнѣ, равнымъ образомъ отсутствуетъ и спеціальная терминологія для обозначенія этихъ дѣяній.

Государственнымъ преступленіямъ нидерландское уложеніе

посвящаетъ первыя четыре главы своей особенной части. Въ первой главѣ предусматриваются преступленія противъ безопасности государства („*Misdrijven tegen de veiligheid van den staat*“, Art. 92—107), во второй — противъ королевскаго достоинства (Art. 108—114), въ третьей — противъ главы и представителей дружественныхъ государствъ (Art. 115—120), въ четвертой — преступленія, касающіяся осуществленія политическихъ правъ и обязанностей (Art. 121—130)¹.

1. Въ качествѣ преступленій противъ безопасности государства нидерландское уложеніе, прежде всего, рассматриваетъ посягательства противъ короля, царствующей королевы или регента (Art. 92). Далѣе, слѣдуютъ посягательства на независимость и территорию государства (Art. 93). Эти двѣ категоріи преступныхъ дѣяній облагаются однимъ и тѣмъ же наказаніемъ. Менѣе строго карается ниспроверженіе или измѣненіе незаконнымъ путемъ формы правленія или престолонаслѣдія (Art. 94), а равно посягательства на государственный совѣтъ (Art. 95). Приготовительная дѣятельность ко всѣмъ вышеуказаннымъ посягательствамъ не подлежитъ наказанію; наказуемъ только зговоръ (Art. 96). Остальныя изъ предусмотрѣнныхъ первою главою дѣяній относятся почти исключительно къ области измѣны, таковы: посягательства на мирныя отношенія государства (Art. 97), выдача государственныхъ тайнъ (Art. 98), измѣнническое нарушеніе довѣрія (Art. 99), вступленіе на военную службу къ непріятелю (Art. 101), измѣнническое способствованіе непріятелю (Art. 102), принятіе въ военное время непріятельскихъ шпіоновъ или содѣйствіе дезертирству (Art. 104), обманныя дѣйствія при поставкѣ во время войны предметовъ, необходимыхъ для арміи (Art. 105). Въ этой же главѣ предусматривается нарушеніе нейтралитета (Art. 100).

2. Во второй главѣ нидерландскаго уложенія регулируются посягательства на жизнь или свободу нецарствующей королевы,

1) Принятая нидерландскимъ уголовнымъ уложеніемъ систематика государственныхъ преступленій встрѣчаетъ одобреніе въ литературѣ. Такъ, van Swinderen относительно этой систематики замѣчаетъ: C'est à bon droit que le législateur Néerlandais n'a pas consacré le système de plusieurs autres législations pénales actuelles, qui distinguent entre la haute trahison et la trahison de l'État et entre les délits contre la sûreté extérieure et intérieure de l'État. Van Swinderen, Esquisse du droit pénal actuel dans les Pays-Bas et à l'Étranger. Gronigue. 1894. Tome III. p. 348—349.

наслѣдника престола или члена королевскаго дома (Art. 108), насиліе противъ короля или королевы, а равно оскорбленіе ихъ (Art. 109; 111), оскорбительныя дѣйствія противъ наслѣдника престола, члена королевскаго дома или регента (Art. 110; 112).

3. Къ группѣ преступленій противъ иностранныхъ государствъ нидерландскій кодексъ относитъ посягательства на жизнь, свободу, тѣлесную неприкосновенность и честь главы дружественнаго государства (Art. 115; 116; 117), а также оскорбленіе дипломатическаго представителя иностранной державы, аккредитованнаго при нидерландскомъ правительствѣ (Art. 118).

4. Въ четвертой главѣ нидерландскаго уложенія предусматриваются посягательства на дѣятельность палатъ генеральныхъ штатовъ (Art. 121—122), на дѣятельность провинціальныхъ штатовъ и общиннаго совѣта (Art. 123—124). Здѣсь же регулируются преступленія противъ избирательнаго права, каковы: воспрепятствованіе осуществленію права выборовъ (Art. 125), избирательный подкупъ (Art. 126), избирательный обманъ (Art. 127—129).

§ 9. Итальянскій уголовный кодексъ 30 іюня 1889 года помѣщаетъ государственныя преступленія въ первомъ раздѣлѣ своей особенной части, разсматривая ихъ какъ посягательства противъ безопасности государства (*Dei delitti contro la sicurezza dello Stato*). Редакторы кодекса отказались отъ систематики французско-бельгійскаго права съ его дѣленіемъ государственной безопасности на внѣшнюю и внутреннюю, считая это дѣленіе логически несостоятельным¹⁾.

Первое мѣсто между государственными преступленіями въ итальянскомъ кодексѣ занимаютъ преступленія противъ отечества (Cap. I. Art. 104—116), т. е. тѣ дѣянія, которыя непосредственно подвергаютъ опасности неприкосновенность государства²⁾, далѣе слѣдуютъ преступленія противъ властей государственныхъ (Cap. II.

1) потому, что „la sicurezza dello Stato è una ed inscindibile“. Progetto del codice penale per il Regno d'Italia. Vol. II. Relazione Ministeriale. 1887. p. 21. — Противъ обозначенія государственныхъ преступленій, какъ посягательствъ, направленныхъ на „безопасность“ государства, возражаетъ проф. Napolitano. По его мнѣнію, выраженіе „безопасность“ не характеризуетъ съ точностью тѣхъ объектовъ, противъ которыхъ направляются государственныя преступленія. Enciclopedia del diritto penale italiano. Vol. VI. 1908. p. 4.

2) Progetto, p. 22.

Art. 117—127)¹⁾, затѣмъ преступленія противъ иностранныхъ государствъ, ихъ главъ и представителей (Cap. III. Art. 128—130).

Дополненіемъ первыхъ трехъ главъ итальянскаго кодекса служитъ глава четвертая, въ которой содержатся общія для всѣхъ государственныхъ преступленій постановленія о вооруженномъ скопищѣ, заговорѣ и публичномъ возбужденіи къ учиненію государственныхъ преступленій (Art. 131—138).

Преступленіямъ противъ избирательнаго права въ итальянскомъ кодексѣ посвящена всего одна статья (Art. 139), регулирующая посягательства на свободу осуществленія политическихъ правъ; остальные дѣянія этого рода предусматриваются спеціальными законами.

1. Во главѣ преступленій противъ отечества стоятъ посягательства на территорію государства, его независимость (l'indipendenza) и единство (Art. 104). Остальные дѣянія этой главы почти исключительно принадлежатъ къ области измѣны. Такъ, законъ угрожаетъ наказаніемъ итальянскому подданному, поднявшему оружіе противъ государства (Art. 105). Далѣе, предусматриваются сношенія съ иностраннымъ правительствомъ съ цѣлью вызвать войну или враждебныя дѣйствія противъ Италіи, или содѣйствіе военнымъ операціямъ государствъ, воюющихъ съ Италіей (Art. 106), выдача государственныхъ тайнъ (Art. 107—109), шпионство (Art. 110), измѣнническое злоупотребленіе довѣріемъ (Art. 111), неодобренныя правительствомъ дѣйствія, подвергающія государство опасности войны или репрессалій (Art. 113), оказаніе поддержки враждебному государству (Art. 114). Въ этой же главѣ предусматривается оскорбленіе знамени или иной эмблемы государства (Art. 115), а также принятіе итальянскимъ подданнымъ знаковъ отличія или какой либо выгоды отъ враждебнаго государства (Art. 116).

2. Свообразными являются постановленія второй главы итальянскаго кодекса, регулирующія преступленія противъ властей государства. Въ качествѣ высшаго органа государственной власти, прежде всего, выступаетъ король, охраняемый отъ посягательствъ на его жизнь, неприкосновенность и свободу; наравнѣ съ королемъ охраняются королева, кронпринцъ и регентъ (Art. 117). Въ слѣдующей статьѣ (Art. 118) предусматриваются посягатель-

1) Въ проектѣ Zanardelli 1883 г. эта группа преступленій обозначалась, какъ „delitti contro la costituzione“. Napodano, op. cit. p. 119.

ства, имѣющія цѣлью воспрепятствовать осуществленію королемъ или регентомъ правъ правленія, а также посягательства противъ сената или палаты депутатовъ, противъ конституціи, формы правленія или порядка престолонаслѣдія (Art. 118). Непосредственно за этой статьей слѣдуетъ постановленіе о недозволенномъ вербованіи или вооруженіи солдатъ для службы въ иностранномъ государствѣ (Art. 119), постановленіе, имѣющее мало общаго съ содержаніемъ разсматриваемой главы. Далѣе, законъ угрожаетъ наказаніемъ за возбужденіе къ вооруженному возстанію противъ государственной власти (Art. 120) и за недозволенное принятіе команды (Art. 121). Въ этой же главѣ предусматривается оскорбленіе короля, королевы, кронпринца или регента (Art. 122), а равно оскорбленіе сената или палаты депутатовъ (Art. 123). Особенное, свойственное только итальянскому кодексу, постановленіе содержится въ 125 ст., угрожающей наказаніемъ тому, кто будетъ публично порицать или объявлять короля отвѣтственнымъ за дѣла правленія. Въ ст. 126 итальянскаго кодекса охраняются отъ поруганія конституціонныя учрежденія государства. Наконецъ, послѣдняя статья второй главы содержитъ постановленія о наказуемости преступленій противъ членовъ королевской фамиліи (Art. 127).

3. Къ группѣ преступленій противъ иностранныхъ государствъ итальянскій кодексъ относитъ посягательства противъ главы иностраннаго государства (Art. 128), оскорбленіе публичнаго знака иностраннаго государства (Art. 129) и посягательства противъ аккредитованныхъ при итальянскомъ правительствѣ дипломатическихъ представителей иностранныхъ государствъ (Art. 130).

§ 10. Постановленія норвежскаго уголовного уложенія о государственныхъ преступленіяхъ характеризуютъ собою послѣдній моментъ законодательной эволюціи этихъ преступленій въ монархическомъ государствѣ. Государственные интересы въ чистомъ видѣ составляютъ здѣсь объектъ уголовной охраны. Обращаетъ на себя вниманіе порядокъ, въ которомъ норвежское уложеніе распредѣляетъ объекты государственныхъ преступленій: на первомъ мѣстѣ стоятъ государственная независимость и безопасность, за ними — основной строй и глава государства, потомъ — избирательныя права гражданъ. Монархъ охраняется, какъ носитель верховной власти, какъ глава государственной организаціи. Одинаковая съ государемъ охрана принадлежитъ ре-

генту. Свобода осуществленія функцій законодательнымъ собраніемъ охраняется тою же санкціей, что и свобода отправленія государемъ его державныхъ правъ. Что касается избирательныхъ правъ гражданъ, то ихъ охрана поставлена норвежскимъ уложеніемъ такъ широко, какъ ни въ одномъ изъ современныхъ законодательствъ.

Норвежское уложеніе не знаетъ специальной терминологіи для обозначенія государственныхъ преступленій. Относящаяся къ этой области дѣянія оно излагаетъ въ первыхъ трехъ главахъ особенной части подъ слѣдующими общими наименованіями: „преступленія противъ независимости и безопасности государства“ (Кар. 8. §§ 83—97), „преступленія противъ основнаго строя и главы государства Норвегіи“ (Кар. 9. §§ 98—104), „преступленія, касающіяся осуществленія политическихъ правъ“ (Кар. 10. §§ 105—109).

1. Подъ именемъ преступленій противъ независимости и безопасности государства норвежское уложеніе разумѣетъ главнымъ образомъ измѣнническія дѣянія; но, кромѣ нихъ, сюда же входитъ одинъ изъ видовъ нашего бунта и преступныя дѣянія противъ иностранныхъ государствъ.

Первое мѣсто въ этой главѣ занимаетъ постановленіе, дающее охрану государству, какъ единому цѣлому, и государственной территоріи (§ 83).

Далѣе, предусматриваются слѣдующія преступленія: возбужденіе войны противъ Норвегіи или находящагося съ нею въ союзѣ государства (§ 84), неправомѣрное съ точки зрѣнія международныхъ отношеній поведеніе, подвергающее Норвегію опасности войны или репрессалій (§ 85), измѣнническое способствованіе непріятелю и нѣкоторыя особенно опасныя дѣянія въ военное время (§§ 86 и 87), нарушеніе договоровъ о поставкѣ и снабженіи арміи во время войны (§ 88), нарушеніе обязанности вѣрности лицомъ, ведущимъ переговоры или заключающимъ договоръ (§ 89), выдача государственныхъ тайнъ (§§ 90—92), уничтоженіе государственныхъ документовъ (§ 93), причиненіе опасности мирнымъ отношеніямъ между Норвегіей и другою страной (§ 95), преступленія противъ представителей иностранныхъ государствъ (§ 96).

2. Въ девятой главѣ норвежскаго уложенія дается, прежде всего, охрана основному строю государства противъ измѣненія его незаконными средствами (§ 98). Въ качествѣ посягательствъ

противъ основнаго строя кодексъ разсматриваетъ преступленія противъ высшихъ органовъ власти, именно, воспрепятствованіе насиліемъ или угрозою королю, регенту, временному правительству, министерству, стортингу или одному изъ его отдѣленій, высшему суду или королевскому суду свободно осуществлять ихъ функціи (§ 99). Въ концѣ этой главы предусматриваются посягательства на жизнь, свободу, тѣлесную невредимость и честь короля или регента (§§ 100 и 101) и преступленія противъ королевскаго дома (§ 102).

3. Къ группѣ преступленій противъ политическихъ правъ норвежскимъ уложеніемъ относятся слѣдующія посягательства: воздѣйствіе предосудительными средствами на волю другого при голосованіи въ публичныхъ дѣлахъ (§ 105), избирательный подкупъ (§ 106), избирательный обманъ (§§ 107 и 108).

IV. Швейцарское и сѣверо-американское право.

§ 11. Государственно-правовыя особенности республиканскаго строя естественно вызываютъ предположеніе о томъ, что нормы уголовного права, предназначенныя служить охраной такого строя, имѣютъ свой особенный, оригинальный характеръ. Постановленія о государственныхъ преступленіяхъ дѣйствующаго швейцарскаго и сѣверо-американскаго права далеко не оправдываютъ, однако, такого предположенія. Правда, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ объектовъ охраны, республиканское право, въ противоположность законодательствамъ монархическихъ государствъ, свободно отъ постановленій спеціально монархическаго характера; но этимъ отрицательнымъ признакомъ почти и исчерпывается его оригинальность. Общая конструкція государственныхъ преступленій по дѣйствующему швейцарскому праву мало заключаетъ въ себѣ самостоятельнаго, представляя главнымъ образомъ подражаніе французскому и германскому законодательству или смѣшеніе началъ обоихъ этихъ законодательствъ. Также мало оригинальны и постановленія дѣйствующаго сѣверо-американскаго права, отражающаго въ себѣ англійскія понятія о государственныхъ преступленіяхъ.

Иное нужно сказать о новомъ швейцарскомъ проектѣ уголовного уложенія: принятая имъ систематика государственныхъ преступленій представляетъ существенныя особенности по сравненію съ законодательствами монархическихъ государствъ.

а). Регулированіе государственныхъ преступленій въ Швейцаріи принадлежитъ: какъ союзному уголовному законодательству, такъ и законодательствамъ отдѣльныхъ кантоновъ. Союзное уголовное законодательство 4 февраля 1853 года угрожаетъ наказаніемъ за посягательства, направленныя противъ государственныхъ интересовъ союза; а въ постановленіяхъ кантональнаго законодательства охраняются государственные интересы отдѣльныхъ кантоновъ.

Систематика государственныхъ преступленій въ союзномъ законодательствѣ ближе всего стоитъ къ систематикѣ французскаго права. Въ первой главѣ своей особенной части союзное законодательство помѣщаетъ „преступленія противъ внѣшней безопасности и спокойствія Союза“ (Art. 36—40), во второй — „преступленія противъ иностранныхъ государствъ“ (Art. 41—44), въ третьей — „преступленія противъ конституціоннаго строя и внутренней безопасности“ (Art. 45—52).

1. Подобно французскому праву, союзное законодательство на первомъ мѣстѣ ставитъ поднятіе швейцарскимъ подданнымъ оружія противъ Союза (Art. 36). Далѣе, облагается наказаніемъ попытка со стороны гражданина или жителя Швейцаріи подчинить Союзъ или часть его чужой власти или зависимости, отдѣлить отъ него кантонъ или часть кантона, а равно возбужденіе иностранной державы къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Швейцаріи или ея части или къ опасному для Швейцаріи вмѣшательству въ ея внутреннія дѣла или оказаніе помощи непріятелю (Art. 37). Въ слѣдующихъ статьяхъ предусматривается умышленное измѣненіе границъ Швейцаріи, оказаніе поддержки чужому государству во вредъ Союзу (Art. 38), нарушеніе неприкосновенности швейцарской территоріи или учиненіе какого либо противнаго международнымъ отношеніямъ дѣянія противъ Швейцаріи (Art. 39).

2. Къ преступленіямъ противъ иностранныхъ государствъ союзное законодательство относитъ слѣдующія посягательства: нарушеніе неприкосновенности чужой территоріи или учиненіе какого либо противнаго международнымъ отношеніямъ дѣянія (Art. 41), публичное поруганіе чужой націи, или ея суверена, или чужого правительства (Art. 42), оскорбительныя или насильственные дѣйствія противъ аккредитованнаго при Союзѣ представителя иностраннаго правительства (Art. 43).

3. Въ третьей главѣ союзнаго законодательства, прежде всего, предусматривается попытка насильственно ниспровергнуть союзную конституцію или разогнать союзныя учреждения (Art. 45). Далѣе, законъ угрожаетъ наказаніемъ скопищу, направившему свою дѣятельность противъ органовъ власти, исполненія законовъ, производства выборовъ и голосованія (Art. 46). Въ ст. 49 союзнаго законодательства регулируются избирательныя преступленія: подлогъ результата выборовъ, избирательный подкупъ и противозаконное вліяніе на избирателя, неправомѣрное участіе въ выборахъ.

б). Что касается законодательствъ отдѣльныхъ швейцарскихъ кантоновъ, то одни изъ этихъ законодательствъ приняли германскую систему государственныхъ преступленій, другія — слѣдуютъ французской, въ нѣкоторыхъ же смѣшаны начала того и другого права. Въ законодательствахъ нѣмецкихъ кантоновъ мы встрѣчаемся съ понятіями Hochverrat'a и Landesverratta'a, французскіе кантоны конструируютъ государственныя преступленія, какъ посягательства противъ безопасности государства 1).

§ 12. Въ проектѣ швейцарскаго уголовного уложенія 1908 года государственнымъ преступленіямъ посвящены три раздѣла: тринадцатый, регулирующий преступленія противъ государства (Art. 193—197), четырнадцатый — преступленія противъ народной воли (Art. 198—199) и восемнадцатый — преступленія противъ дружественныхъ государствъ (Art. 220—223).

Вопреки общепринятой систематикѣ, швейцарскій проектъ помѣщаетъ государственныя преступленія не въ началѣ своей особенной части, а въ послѣднихъ ея раздѣлахъ. Въ проектѣ отсутствуетъ спеціальная терминологія для обозначенія государственныхъ преступленій, — употребляемая имъ въ заглавіи отдѣльныхъ статей названія: „Hochverrat“ (Art. 193), „Diplomatischer Landesverrat“ (Art. 195), „Militärischer Landesverrat“ (Art. 196) не имѣютъ значенія обязательныхъ техническихъ выраженій. Въ французскомъ текстѣ проекта эти преступленія, по примѣру французскаго права, обозначаются, какъ *Délits contre la sûreté intérieure de l'État*“ и *„Délits contre la sûreté extérieure de l'État“*.

1. Въ тринадцатомъ раздѣлѣ проекта предусматриваются

1) Wildi, Verbrechen gegen die Staatsmacht. 1905. S. 86, 87 f.

посягательства противъ конституціи союза или отдѣльнаго кантона, конституціонныхъ учреждений государства и противъ швейцарской территоріи (Art. 193), а также посягательства на независимость союза (Art. 194). Въ этомъ же раздѣлѣ содержатся постановленія о дипломатической и военной измѣнѣ (Art. 195—196) и нарушеніи границъ швейцарской территоріи (Art. 197).

2. Къ преступленіямъ противъ народной воли проектъ относитъ посягательства противъ политическихъ собраній (Art. 198), подлогъ результата выборовъ и голосованія и нѣкоторыя другія преступленія противъ избирательнаго права (Art. 199).

3. Въ группѣ преступленій противъ дружественныхъ государствъ швейцарскій проектъ помѣщаетъ: оскорбленіе дружественной націи, ея главы, правительства или посланника (Art. 220), поруганіе публичнаго знака дружественнаго государства (Art. 221) и нарушеніе границъ чужой территоріи (Art. 222).

§ 13. Подъ именемъ измѣны „treason“ извѣстны государственныя преступленія уголовному праву Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. И здѣсь, точно такъ же, какъ въ Англии, преступленіе измѣны покоится въ своихъ основахъ на статутѣ Эдуарда 1351 года. Но въ сравненіи съ казуистикой англійскаго права содержаніе американской „treason“ представляется довольно бѣднымъ. Понятіемъ измѣны въ сѣверо-американскомъ правѣ обнимаются два дѣянія: возбужденіе войны противъ государства и оказаніе поддержки непріятелю. Согласно конституціи Соединенныхъ Штатовъ, „treason against the United States shall consist only in levying war against them or in adhering to their enemies, giving them aid and comfort“ (Art. 3. Sect. 3). Основнымъ элементомъ въ понятіи treason является нарушеніе долга подданнической вѣрности (a breach of allegiance) со стороны лица, пользующагося защитой государства.

На почвѣ дѣйствующаго американскаго права стоитъ уголовный кодексъ для Соединенныхъ Штатовъ 1909 года¹⁾, посвящающій государственнымъ преступленіямъ первыя свои три главы. Въ первой главѣ содержатся постановленія о посягательствахъ на бытіе правительства (Offences against the existence of the Government. Sec. 1—8), гдѣ, кромѣ измѣны „treason“ (Sec. 1—3),

1) An Act to codify, revise and amend the penal law of the United States.

предусматриваются возбужденіе къ мятежу (Sec. 4), преступная переписка съ иностраннымъ правительствомъ (Sec. 5), мятежническій заговоръ (Sec. 6), вербованіе солдатъ или матросовъ на службу противъ Соединенныхъ Штатовъ (Sec. 7) и др. дѣянія. Въ остальныхъ главахъ излагаются посягательства противъ нейтралитета (Sec. 9—18) и противъ свободы выборовъ и политическихъ правъ гражданъ (Sec. 19—26).

Изъ законодательствъ отдѣльныхъ штатовъ обращаютъ на себя вниманіе постановленія о государственныхъ преступленіяхъ нью-іоркскаго уголовного кодекса 1881 года¹⁾. Въ качествѣ государственнаго преступленія на первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь измѣна, treason (Tit. IV. §§ 37—40), разсматриваемая, какъ посягательство противъ народа (against the people of the State). Къ области государственныхъ преступленій должна быть также отнесена обширная группа дѣяній противъ законодательной власти (Tit. VII. §§ 59—70). Посягательства противъ избирательнаго права не нашли себѣ мѣста въ кодексѣ, а регулируются особымъ законодательствомъ (§ 41).

Б. Общее понятіе государственнаго преступленія, съ точки зрѣнія иностраннаго права.

§ 14. Изъ предшествующаго изложенія системъ государственныхъ преступленій въ иностранномъ правѣ можно видѣть, насколько преобладаетъ здѣсь казуистика, и какъ далеки еще современные законодательства отъ построенія общаго понятія государственнаго преступленія. Для того, чтобы составить себѣ такое понятіе, необходимо отвлечь отъ законодательныхъ постановленій о государственныхъ преступленіяхъ общіе признаки состава преступленія, т. е. установить, кто является субъектомъ разсматриваемыхъ преступленій, какія правовыя блага охраняются нормами иностраннаго законодательства о государственныхъ преступленіяхъ, и противъ какихъ способовъ посягательства эти блага получаютъ уголовную охрану.

Субъектомъ государственнаго преступленія, по общему правилу, можетъ быть всякое вмѣняемое лицо. Съ нѣкоторыми

1) The penal code of the State of New-York. Edited by Parker. 1908.

ограниченіями этого правила мы встрѣчаемся въ области бунта и государственной измѣны.

Вопросъ о томъ, кто можетъ быть субъектомъ бунтовщическихъ и измѣнническихъ дѣяній, исключительно-ли поданный или также всякій иностранецъ, неодинаково рѣшался и рѣшается законодательствами.

Въ старыхъ законодательствахъ¹⁾ распространенной была конструкція, по которой кругъ субъектовъ бунта и государственной измѣны ограничивался только подданными. Основаніе такого ограниченія лежало въ особомъ долгѣ вѣрности, которымъ былъ связанъ подданный по отношенію къ государю и отечеству. И такъ какъ иностранецъ являлся свободнымъ отъ этой обязанности, то онъ не могъ совершить преступленія бунта или государственной измѣны. Далеко не всѣ, впрочемъ, старыя законодательства держались такой точки зрѣнія. Нѣкоторыя изъ нихъ²⁾ не считали моментъ нарушенія долга вѣрности существеннымъ признакомъ для понятія государственнаго преступленія и потому не вносили никакихъ ограниченій относительно возможныхъ субъектовъ этого преступленія.

Выросшая на почвѣ феодальныхъ и патріархальныхъ отношеній идея вѣрности не умерла вмѣстѣ съ породившими ея отношеніями. Слѣды этой идеи замѣтно сохранились въ нѣкоторыхъ современныхъ уголовныхъ законодательствахъ.

Такъ, по англійскому праву, иностранецъ признается субъектомъ высокой измѣны только въ томъ случаѣ, если во время совершенія преступленія онъ находился на англійской территоріи и состоялъ, слѣдовательно, подъ покровительствомъ англійскаго короля³⁾.

По дѣйствующему германскому праву, субъектомъ верховной измѣны можетъ быть всякій, какъ германскій подданный, такъ и иностранецъ, независимо отъ того, гдѣ совершено преступленіе, на германской-ли территоріи или за границею. Согласно § 4 ч. 2 п. 1 германскаго уголовного уложенія, верховная

1) Cod. jur. crim. Bav. 1751. Kap. 8. § 1; Preus. LandR. Th. II. Titel 20. §§ 91 ff; Das Bayr. GB. 1813. Art. 229; 302 ff. См. Binding, Lehrbuch. II. S. 424 и 460.

2) Theresiana. Art. 62; Josef. Gesetzbuch. §§ 45 ff; Österreich. Gesetzbuch 1803, §§ 52 ff. См. Binding, l. cit.

3) Ken n y, Outlines of criminal law. p. 270; Harris, Principles of the criminal law. p. 42.

измѣна, совершенная за границей нѣмцемъ или иностранцемъ противъ германской имперіи или союзнаго государства, можетъ быть преслѣдуема по германскимъ законамъ¹⁾. Такимъ образомъ, въ вопросѣ объ отвѣтственности за верховную измѣну моментъ нарушенія долга подданнической вѣрности, по дѣйствующему германскому праву, не имѣетъ значенія²⁾. Но этотъ моментъ не остается безъ вліянія при опредѣленіи рода наказанія, которое постигаетъ виновнаго въ верховной измѣнѣ. Въ то время, какъ покушеніе на убійство императора, своего государя или государя того союзнаго государства, въ которомъ виновный имѣетъ пребываніе (§ 80), обложено смертной казнью; покушеніе на убійство всякаго другого союзнаго государя не влечетъ этого наказанія.

Проектъ германскаго уголовного уложенія 1909 года откаывается отъ ограниченій дѣйствующаго права, облагая смертной казнью покушеніе на убійство всякаго союзнаго государя, независимо отъ того, совершено-ли таковое нѣмцемъ или иностранцемъ. Составители проекта исходятъ при этомъ изъ того соображенія, что связанное исторически съ понятіемъ верховной измѣны представленіе о нарушеніи виновнымъ особаго долга вѣрности государю или государству, въ наше время утратило свое значеніе. По ихъ мнѣнію, для законодателя рѣшающее значеніе имѣетъ цѣнность правоваго блага, подвергающагося нападенію, и особая опасность способа посягательства. А оба эти основанія остаются въ одинаковой силѣ, совершено-ли посягательство нѣмцемъ или иностранцемъ³⁾.

Болѣе замѣтно выступаетъ идея подданнической вѣрности въ постановленіяхъ германскаго права о земской измѣнѣ, Landesverratъ. Изъ этихъ постановленій видно, что дѣйствующее германское право еще не отрѣшалось отъ древне-германскаго воззрѣнія на измѣну, какъ на преступленіе, нарушающее обязанность подданнической вѣрности государю или народу. По германскому уложенію, нѣмецъ отвѣчаетъ за измѣну во всѣхъ случаяхъ, совершено-ли имъ преступленіе на германской территоріи или за границей (§ 4 ч. 2 п. 2). Въ первыхъ видахъ измѣны (§§ 87—90),

1) На такой же точкѣ зрѣнія относительно субъектовъ бунтовщическаго посягательства стоятъ и другія иностранныя законодательства. Норв. уг. ул. §§ 100 и 12 п. 4; итальян. Art. 117 и 4; нидерл. Art. 92, 4 и 5 п. 2; австр. ул. §§ 38, 58 и 59; австр. проектъ 1909 г. § 83.

2) Van Calker, op. cit. S. 37.

3) Begründung, S. 413.

согласно тексту закона, субъектом преступления может быть только германский подданный. Но это ограничение не вполне выдержано законодателем, подвергающим ответственности и иностранцев, если они совершили означенные в §§ 87, 89 и 90 изменнически действия на территории союза, находясь под покровительством германской империи или одного из союзных государств (§ 91 ч. 2). Кроме того, закон предусматривает возможность совершения земской измены иностранцами и вне германской территории, на театре военных действий (§ 91 г. уг. ул.; Mil. Strf. GB. § 160), повелевая в этих случаях поступать с иностранцами согласно обычаям войны. Таким образом, только в одном случае измены для иностранца безусловно исключается возможность совершения преступления, это — в случае, предусмотренном § 88 уголовного уложения, где законодатель карает германского подданного за поступление на военную службу к неприятелю во время войны против германской империи. Что же касается случаев так называемой дипломатической измены (§ 92), то здесь закон не делает никакого различия между германским подданным и иностранцем. Отсюда можно заключить, что нарушение долга верности не является обязательным признаком для общего состава преступления измены по действующему германскому праву¹⁾.

Идея подданической верности отразилась также в постановлениях германского права относительно наказуемости оскорбления Величества. Уголовный кодекс отличает, по наказуемости, оскорбление императора, своего государя и государя того государ-

7) Van Calker, op. cit. S. 10. Иначе Биндинг, вносящий в определение понятия земской измены момент нарушения виновным долга верности своему государству (Lehrbuch II, S. 457). По мнению Лабанда, нарушение долга верности лежит в основании наказуемости как Hochverrat'a, так и Landesverrat'a. Der „Verrat“ setzt nach dem Sinne des Wortes und dem Rechtsbewusstsein des Volkes die Verletzung eines Treuverhältnisses, der Hoch- und Landesverrat den Treubruch des Staatsgenossen gegen den Staat und das Vaterland voraus. Но если ответственность подданного за эти преступления имеет своим основанием нарушение правовой обязанности, то иностранец, совершивший измену, карается, в силу политических интересов государства, которые требуют уголовной охраны от враждебных ему посягательств, к которым бы последние ни совершались (Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. I. Bd. 1901. S. 130). Критика воззрения Лабанда дается в книге В. М. Гессена, Подданство, его установление и прекращение. Т. I. 1903. с. 15 и сл.

ства, въ которомъ виновный имѣеть пребываніе, (§§ 94 и 95) отъ оскорбленія всякаго другого государя (§§ 98 и 99). Въ послѣднемъ случаѣ виновный наказывается менѣе строго, чѣмъ въ случаяхъ оскорбленія, предусмотрѣнныхъ §§ 94 и 95 уголовного уложенія ¹⁾.

Французскій уголовный кодексъ, по общему правилу, не устанавливаетъ ограниченій относительно круга субъектовъ государственнаго преступленія. Въ одномъ только случаѣ государственной измѣны (Art. 75) — поднятіе оружія противъ Франціи — субъектомъ преступленія можетъ быть исключительно французскій подданный. Что же касается остальныхъ случаевъ измѣны (Art. 76—79), то, согласно тексту закона, субъектомъ преступленія здѣсь можетъ быть всякій человекъ (quiconque), какъ французскій подданный, такъ и иностранецъ. Однако, иностранецъ, по мнѣнію Гарро, отвѣчаетъ за измѣну только въ томъ случаѣ, если преступленіе совершено имъ на французской территоріи, ибо наказуемость измѣны вытекаетъ изъ нарушенія виновнымъ особой обязанности по отношенію къ Франціи ²⁾.

§ 15. Въ качествѣ правовыхъ благъ, охраняемыхъ постановленіями иностраннаго законодательства о государственныхъ преступленіяхъ, выступаютъ слѣдующія категоріи объектовъ посягательства: 1) цѣлость и независимость государства, 2) безопасность и могущество государства въ его международномъ положеніи, 3) основное государственное устройство, 4) органы верховной власти и 5) политическое право выборовъ и голосованія.

1. Что касается уголовной охраны цѣлости и независимости государства, то не во всѣхъ законодательствахъ эта охрана облекается въ одинаковую юридическую форму.

Нужно, прежде всего, замѣтить, что далеко не всѣ законодательства специально упоминаютъ о государственной независимости, какъ уголовно-охраняемомъ благѣ. Такія упоминанія встрѣчаются въ уголовныхъ кодексахъ Италіи (Art. 104), Даніи (§ 71), Норвегіи (§ 83), Испаніи (Art. 139), а также въ швейцарскомъ проектѣ уголовного уложенія (Art. 194). Эти законодательства въ тождественныхъ почти выраженіяхъ угрожаютъ наказаніемъ

1) Въ оскорбленіи главы имперіи или своего государя Лабандъ видитъ „eine Verletzung der mit der Unterthanentreue verbundenen Pietätspflicht“ (Op. cit. S. 131).

2) Traité théorique et pratique du droit pénal français. T. III. 1899. p. 300.

тому, кто совершитъ дѣяніе, имѣющее цѣлью подчинить государство чужой власти. Въмѣстѣ съ независимостью государства въ этихъ законодательствахъ охраняется также цѣлость и единство государства.

Большинство остальныхъ иностранныхъ законодательствъ, не упоминая особо о независимости государства, даютъ ей охрану въ своихъ постановленіяхъ, регулирующихъ посягательства на основное устройство или территорію государства.

2. Всѣми иностранными законодательствами охраняется безопасность и могущество государства въ его международномъ положеніи. Дѣйствующее австрійское уложеніе въ статьѣ о верховной измѣнѣ (§ 58 e) предусматриваетъ причиненіе или увеличеніе внѣшней опасности государству. Въ постановленіяхъ о государственной измѣнѣ охраняется внѣшняя безопасность и могущество государства законодательствами германскимъ (§§ 87—92) и венгерскимъ (§§ 142—151). Проектъ австрійскаго уложенія 1909 г. помѣщаетъ посягательства на внѣшнюю безопасность государства въ группѣ преступленій противъ бытія и безопасности государства (§§ 114 ff). Уголовные кодексы французскій (Art. 75—85) и бельгійскій (Art. 113—123) прямо говорятъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ „внѣшней безопасности государства“. Съ постановленіями, предназначенными служить охранѣ внѣшней безопасности государства, встрѣчаемся мы и въ англійскомъ правѣ¹⁾. Подробно разработаны этого рода постановленія въ уголовныхъ уложеніяхъ нидерландскомъ (Art. 97—105), итальянскомъ (Art. 105 и сл.) и норвежскомъ (§§ 84, 86—95). — Охранѣ внѣшней безопасности государства, именно, его мирныхъ отношеній съ иностранными державами, служатъ нормы, регулиющія посягательства противъ иностранныхъ государствъ и ихъ представителей. Въ однихъ законодательствахъ²⁾ эти посягательства образуютъ особую самостоятельную группу преступныхъ дѣяній, въ другихъ³⁾ они отнесены къ общей группѣ преступленій противъ внѣшней безопасности государства.

3. Объектомъ посягательства въ государственныхъ преступленіяхъ является данное основное устройство государства. Уголовныя законодательства обыкновенно говорятъ объ охранѣ кон-

1) Kennу, op. cit. p. 269; Stephen, op. cit. Art. 54; Draft. Code, 75.

2) Герм. угол. ул. §§ 102—104; герм. проектъ, §§ 123—125; нидерл. ул. Art. 115—120; итальян. ул. Art. 128—130; австр. проектъ, §§ 141—145; швейц. проектъ, Art. 220—222.

3) Code pénal 1810, Art. 84—85; бельг. уг. ул. Art. 123.

ституціи государства, „Verfassung“¹⁾ или формы правленія²⁾; итальянскій уголовный кодекс (Art. 118 п. 3) упоминаетъ какъ о конституціи, такъ и о формѣ правленія. Рядомъ съ конституціей или формой правленія, законодательства ставятъ порядокъ престолонаслѣдія³⁾ и государственную территорию⁴⁾.

4. Въ качествѣ органовъ верховной власти иностранными законодательствами охраняется государь и парламентъ.

Одни изъ законодательствъ⁵⁾ своими постановленіями о бунтовщическихъ посягательствахъ охраняютъ только государя, не распространяя такой охраны на другихъ лицъ. Нѣкоторые же законодательства наравнѣ съ государемъ охраняютъ регента⁶⁾, королеву и наслѣдника престола⁷⁾. Англійское право, кромѣ короля, королевы, старшаго сына короля и наслѣдника престола, охраняетъ постановленіями о high treason⁸⁾ также канцлера, лорда казначея*] и королевскихъ судей во время исполненія ими своихъ обязанностей.

1) Герм. уг. ул. § 81 п. 2; герм. проектъ, § 101 п. 2; швейц. проектъ, Art. 193.

2) Австр. уг. ул. § 58 b; франц. С. р. Art. 87; бельг. С. р. Art. 104; нидерл. Art. 94.

3) Герм. уг. ул. § 81 п. 2; нидерл. ул. Art. 94; бельг. С. р. Art. 104; итал. Art. 118. п. 3.

4) Австр. уг. ул. § 58 с.; австр. проектъ, § 110 п. 2 и 3; герм. угол. ул. § 81 п. п. 3 и 4; герм. проектъ, § 101 п. 3; венг. уг. ул. § 127 п. 3.

5) Австр. ул. § 58 а; австр. проектъ, § 109; герм. ул. §§ 80 и 81 п. 1; венг. ул. § 126 п. 1.

6) Нидерл. ул. Art. 92; итальян. ул. Art. 117; норв. ул. § 99; герм. пр. § 100.

7) Итал. ул. Art. 117.

8) Кенну, *op. cit.* p. 265; Stephen. Art. 59.

*] Примѣчаніе редактора: Графъ де Франквилль, опредѣляя въ своемъ сочиненіи 1893 года государственное преступленіе высокой измѣны, по англійскому праву, дѣйствовавшему въ началѣ 90-хъ годовъ XIX-го вѣка, говоритъ между прочимъ, что убійство канцлера и убійство судьи, при исполненіи имъ своихъ обязанностей, считаются, по этому праву, актами высокой измѣны, но ничего не говоритъ объ убійствѣ лорда, высокаго казначея (Le C-te de Franqueville — Le système judiciaire de la Grande Bretagne. Paris. 1893. Tome II. p. 441). И это не даромъ, такъ какъ въ другомъ сочиненіи де Франквилль еще ранѣе указалъ, что, со вступленія Георга I на англійскій престолъ въ августъ 1714 года, уже никто не назначается на должность лорда, высокаго казначея, но исполненіе функцій этой должности постоянно возлагается на комиссаровъ (Le C-te de Franqueville — Le Gouvernement et le Parlement britanniques. Tome I. Le Gouvernement. Paris. 1887. p. 489—490).

Въ группѣ постановленій иностраннаго права, регулирующихъ посягательства на достоинство государя, обыкновенно дается охрана членамъ царствующей фамиліи.

Во всѣхъ законодательствахъ пользуется уголовною охраною органъ народного представительства, парламентъ. Но характеръ этой охраны не вездѣ одинаковъ. Если одни изъ законодательствъ¹⁾ даютъ парламенту ту же уголовную охрану, что и государю, то большинство современныхъ законодательствъ въ своихъ постановленіяхъ отводитъ парламенту сравнительно скромное мѣсто.

5. Въ интересахъ правильнаго образованія парламента современные законодательства даютъ охрану тому избирательному процессу, путемъ котораго создается органъ народного представительства. Съ этою цѣлью во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ введены законодательныя постановленія, охраняющія политическое право выборовъ и голосованія.

§ 16. Формы преступнаго дѣянія въ государственныхъ преступленіяхъ крайне разнообразны.

Забывая объ охранѣ неприкосновенности государственнаго организма, современные законодательства облагаютъ наказаніемъ не только преступное дѣйствіе, направленное противъ государства, но также и бездѣйствіе, караютъ не только причиненіе вреда, но и созданіе опасности государству.

На ряду съ умышленными посягательствами иностранное право въ нѣкоторыхъ случаяхъ не оставляетъ безнаказанной и неосторожности, причиняющей вредъ или создающей опасность интересамъ государства.

1. Съ различными видами преступнаго дѣйствія встрѣчаемся мы въ посягательствахъ, направленныхъ на жизнь, здоровье, свободу, тѣлесную неприкосновенность, державныя права и честь государя. Одни изъ этихъ дѣйствій относятся законодательствами къ области бунта, другія — разсматриваются, какъ оскорбленіе достоинства государя. Всѣми законодательствами караются насильственные или вообще противозаконныя дѣйствія, направленные на измѣненіе конституціи государства или на отдѣленіе государственной территоріи. Посредствомъ преступнаго дѣйствія совершается большинство измѣнническихъ посягательствъ.

1) Итал. ул. Art. 118; норв. ул. 99.

Едва ли въ другомъ какомъ либо отдѣлѣ уголовного законодательства область преступнаго воспрепятствованія является болѣе широкой, чѣмъ въ группѣ государственныхъ преступленій. Причина этого — сознаніе законодателемъ огромной важности въ безирепятственномъ и ненарушимомъ функціонированіи органовъ верховной власти и вытекающая отсюда необходимость облагать наказаніемъ всякое неправомѣрное вторженіе въ ходъ государственной дѣятельности. Иностранныя законодательства ограждаютъ отъ преступнаго воспрепятствованія осуществленіе державныхъ правъ государемъ, осуществленіе функцій органами народнаго представительства, а также осуществленіе гражданами политическаго права выборовъ и голосованія.

Такъ, дѣйствующія австрійское (§ 58 а) и венгерское (§ 126 п. 3) законодательства, австрійскій (§ 109 п. 2) и германскій (§ 101 п. 1) проекты считаютъ верховной измѣной воспрепятствованіе государю осуществлять права правленія.

Итальянскій уголовный кодексъ (§ 118 п. п. 1 и 2) угрожаетъ наказаніемъ виновному въ воспрепятствованіи королю или регенту осуществлять ихъ верховныя права или въ воспрепятствованіи сенату или палатѣ депутатовъ исполнять ихъ функціи.

Норвежское уложеніе предусматриваетъ преступное воспрепятствованіе королю, регенту, временному правительству, министерству, стортингу или одному изъ его отдѣленій, высшему суду или королевскому суду свободно осуществлять ихъ функціи (§ 99).

Воспрепятствованіе дѣятельности парламента, помѣщаемое итальянскимъ и норвежскимъ кодексами рядомъ съ посягательствами на дѣятельность короля, въ большинствѣ законодательствъ регулируется особо отъ посягательствъ на права государя.

Такъ, въ группѣ преступленій противъ политическихъ правъ гражданъ предусматривается воспрепятствованіе дѣятельности парламента или отдѣльныхъ его членовъ уголовными кодексами германскимъ (§§ 105—106) и нидерландскимъ (Art. 121—122). Венгерское уложеніе помѣщаетъ этого рода посягательства частью въ раздѣлѣ IV-мъ о возстаніи (§ 152), частью въ раздѣлѣ V-мъ, предусматривающемъ „насильственныя дѣйствія надъ правительственными учрежденіями, членами рейхстага и органами власти“ (§ 163). Австрійскій проектъ относитъ ихъ къ особой группѣ преступленій противъ представительныхъ учреждений (§§ 146 ff.).

Всѣ законодательства содержатъ карательныя постановленія, предназначенныя охранять безирепятственное осуществленіе гра-

жданами политическаго права выборовъ и голосованія. При этомъ, одни изъ законодательствъ помѣщаютъ эти постановленія въ уголовныхъ кодексахъ, другія, напр., законодательства французское, австрійское и англо-американское, посвящаютъ имъ обширные спеціальные законы.

Кромѣ дѣйствія, какъ главной формы преступнаго посягательства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ государственныхъ преступлений встрѣчается также наказуемое бездѣйствіе. Последнее имѣетъ мѣсто преимущественно въ области измѣны.

Таково, напр., предусматриваемое германскимъ уложеніемъ (§ 88) неоставленіе германскимъ подданнымъ службы въ непріятельской странѣ.

Норвежское уголовное уложеніе (§ 89) наказываетъ того, кто при веденіи переговоровъ или заключеніи договора въ интересахъ Норвегіи съ другимъ государствомъ будетъ дѣйствовать вопреки благу Норвегіи или не приметъ этого блага во вниманіе.

Къ области преступнаго бездѣйствія принадлежитъ также неисполненіе договоровъ, касающихся потребностей военнаго времени¹⁾. Въ формѣ преступнаго бездѣйствія выступаетъ попустительство и недонесеніе о государственныхъ преступленіяхъ. Такъ, австрійское уголовное уложеніе (§§ 160—161) къ верховной измѣнѣ относитъ невоспрепятствованіе совершенію верховной измѣны, а равно недонесеніе объ этомъ преступленіи; венгерское уголовное уложеніе (§ 135) караетъ за недонесеніе о верховной измѣнѣ.

2. Большинство государственныхъ преступленій, по природѣ своей, является дѣяніями, причиняющими вредъ интересамъ государства. Таковы — посягательства, направленные противъ органовъ верховной власти, государственнаго устройства или противъ могущества государства въ его международномъ положеніи. Норвежское уложеніе выдвигаетъ квалифицирующее значеніе вреда при уничтоженіи государственныхъ документовъ (§ 93) и нарушеніи государственныхъ тайнъ (§ 91): наказаніе повышается въ томъ случаѣ, если оглашеніе тайны или поврежденіе документа причинило „значительный вредъ“.

Но рядомъ съ вредомъ большую роль играетъ въ области государственныхъ преступленій моментъ опасности. Существуетъ

1) Нидерл. уг. ул. Art. 105; норв. уг. ул. § 105; австр. проектъ, § 122; герм. проектъ, § 107.

много дѣяній, облагаемыхъ наказаніемъ въ виду той опасности, какой они угрожаютъ государству. Почти всѣ эти дѣянія принадлежатъ къ области измѣны и посягательствъ, направленныхъ противъ иностранныхъ государствъ. Дѣйствующее австрійское законодательство, впрочемъ, вноситъ моментъ опасности и въ составъ преступленія верховной измѣны. Такъ, согласно § 58 а австрійскаго уложенія, облагается наказаніемъ не только всякое нарушеніе неприкосновенности особы государя, но также поставленіе въ опасность.

Общая конструкція деликта причиненія опасности государству была дана въ австрійскомъ проектѣ 1893 года (§ 95 п. 4), который угрожаетъ тому, кто попытается причинить или увеличить опасность для монархіи. Но при разсмотрѣніи проекта въ парламентѣ общее понятіе опасности было ограничено понятіемъ военной опасности. Эту послѣднюю точку зрѣнія удержалъ и проектъ 1909 года, угрожающій наказаніемъ тому, кто причинитъ монархіи опасность вооруженнаго нападенія (§ 114 п. 1).

Швейцарскій проектъ облагаетъ наказаніемъ дѣянія, имѣющая цѣлью подвергнуть опасности независимость Союза (Art. 196).

Всѣ законодательства предусматриваютъ причиненіе опасности государству посредствомъ выдачи государственныхъ тайнъ или уничтоженія документовъ¹⁾. Сюда же принадлежатъ постановленія о нарушеніи договоровъ, касающихся потребностей военного времени²⁾ и постановленія относительно нарушенія нейтралитета³⁾.

Къ категоріи дѣяній, содержащихъ опасность для государства, принадлежатъ, далѣе, извѣстныя всѣмъ законодательствамъ посягательства, которыя, направляясь противъ иностранныхъ государствъ, тѣмъ самымъ подвергаютъ опасности мирныя отношенія даннаго государства съ другими державами.

Наконецъ, нужно отмѣтить своеобразные деликты это рода, предусмотрѣнные норвежскимъ уложеніемъ и австрійскимъ проектомъ. Норвежскій кодексъ угрожаетъ наказаніемъ тому, кто подвергаетъ опасности мирныя отношенія между Норвегіей и другою страной посредствомъ выраженія публичнаго презрѣнія или

1) Герм. ул. § 92; нидерл. ул. § 98; норв. ул. §§ 90 и 93; австр. пр. § 116; швейц. пр. Art. 195.

2) Норв. ул. § 88; нидерл. ул. Art. 105; австр. пр. § 122.

3) Норв. ул. § 85; нидерл. ул. Art. 100.

возбужденія ненависти по отношенію къ Норвегіи или норвежскому правительству или другой странѣ, или ея правительству, или же кто подвергаетъ опасности мирныя отношенія, приписывая безъ достаточныхъ основаній правительству несправедливыя или позорныя поступки (§ 95). Согласно § 115 австрійскаго проекта, наказывается тотъ, кто печатно распространить невѣрныя или искаженныя свѣдѣнія, вслѣдствіе которыхъ подвергаются опасности отношенія между австрійской монархіей и иностраннымъ государствомъ.

3. Съ субъективной стороны государственныя преступленія характеризуются требованіемъ умышленной виновности. Неосторожныя дѣянія встрѣчаются только въ области измѣны. Такъ, одни изъ законодательствъ облагаютъ наказаніемъ неосторожную выдачу государственныхъ тайнъ¹⁾, другія караютъ неосторожное нарушеніе договоровъ, касающихся потребностей военнаго времени²⁾, а также неосторожное веденіе переговоровъ съ иностраннымъ правительствомъ ко вреду государства, давашаго порученіе³⁾.

§ 17. Мы познакомились съ общими признаками состава государственныхъ преступленій въ иностранномъ правѣ.

Объединяя эти признаки въ одно понятіе, можно сказать, что государственныя преступленія по иностранному праву образуютъ особую группу преступныхъ дѣяній, умышленныхъ и неосторожныхъ, причиняющихъ вредъ или создающихъ опасность государству, какъ единому цѣлому, т. е. посягающихъ на цѣлость и независимость государства, основное его устройство, неприкосновенность органовъ верховной власти или на интересы государства въ его международномъ положеніи⁴⁾.

Въ этомъ общемъ понятіи государственнаго преступленія различаются по непосредственнымъ объектамъ посягательства двѣ основныя категоріи преступныхъ дѣяній.

1) Ит. уг. ул. Art. 108; норв. ул., § 90; австр. пр. § 125; герм. пр. § 109.

2) Норв. ул. § 88; герм. пр. § 107.

3) Норв. ул. § 89.

4) П. П. Пусторослевъ даетъ слѣдующее опредѣленіе основнаго понятія государственнаго преступленія, съ точки зрѣнія уголовного права культурныхъ государствъ. „Съ этой точки зрѣнія, — по мнѣнію пр. Пусторослева, — государственное преступленіе есть противное уголовному закону, виновное, умышленное или неосторожное посягательство человѣка, находящагося въ состояніи вмѣняемости, дѣйствіемъ или бездѣйствіемъ

1) Преступныя дѣянія противъ бытія государства и противъ органовъ его верховной власти. Сюда относятся тѣ преступления, которыя въ однихъ законодательствахъ обнимаются понятиями „Hochverrat“, „high treason“, въ другихъ разсматриваются, какъ посягательства противъ „внутренней безопасности государства“, противъ „независимости и безопасности государства“, противъ отечества и властей государства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ объектомъ посягательства является государство, какъ единый самостоятельный организмъ, воплощающійся въ территоріи, конституціи и носителяхъ верховной власти. Къ этой же категоріи дѣяній принадлежатъ: оскорбленіе Величества, посягательства на дѣятельность и достоинство парламента, а также посягательства на избирательный процессъ, путемъ котораго образуется органъ народнаго представительства.

2) Преступныя дѣянія противъ безопасности и могущества государства въ его международномъ положеніи. Это — государственная измѣна „Landesverrat“, посягательства противъ „внѣшней безопасности государства“ и преступления противъ иностранныхъ государствъ.

Едва ли нужно говорить о томъ, что ни одна изъ указанныхъ категорій государственныхъ преступленій еще не достигла въ законодательствѣ вполне законченныхъ юридическихъ очертаній, вслѣдствіе чего проведеніе точныхъ границъ между отдѣльными составами этихъ преступленій представляетъ большія трудности.

Наиболѣе подробно разработанной въ положительномъ правѣ является группа дѣяній, направленныхъ противъ личности государя. Надъ построеніемъ этой группы посягательствъ въ теченіе многихъ вѣковъ усердно работала мысль законодателя. Въ современной конструкціи посягательствъ противъ личности государя замѣчается дѣленіе этихъ посягательствъ на двѣ категоріи, именно, — выдѣляются, съ одной стороны, посягательства на

на безопасность государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ на цѣлость всего государства, или на неприкосновенность представителей верховной государственной власти, или на цѣлость его основнаго, правового устройства, или народонаселенія, или территоріи, или на независимость государства, или на неприкосновенность выгодъ его положенія передъ другимъ государствомъ въ военномъ или дипломатическомъ отношеніи“. Конспектъ лекцій по особ. части рус. уг. права. В. I. 1902. с. 151.

жизнь, тѣлесную неприкосновенность и державныя права государя, съ другой — оскорбленіе достоинства государя.

Всѣми законодательствами предусматриваются посягательства на конституцію и территорию государства, причемъ одни законодательства караютъ только насильственные посягательства этого рода, другія защищаютъ подь угрозой наказанія всякое противозаконное посягательство на конституцію и территорию.

Чрезвычайно подробныя постановленія содержатся въ иностранныхъ законодательствахъ относительно государственной измѣны. Здѣсь мы встрѣчаемся съ пестрой казуистикой преступныхъ дѣяній, объединенныхъ той общей идеей, что всѣ они направляются противъ государства, какъ члена международного общенія.

Посягательства противъ личности государя и внутреннего государственнаго строя, а равно измѣническія дѣянія регулируются болѣе или менѣе одинаково большинствомъ иностранныхъ законодательствъ.

Иное нужно сказать о преступленіяхъ, направленныхъ противъ иностранныхъ государствъ и противъ парламента. Законодательныя нормы, регулиющія этого рода преступленія, являются продуктомъ новѣйшаго времени. Одни изъ нихъ вызваны къ жизни непрерывно растущимъ междугосударственнымъ общеніемъ, побуждающимъ законодателя ограждать отъ преступныхъ посягательствъ чужія государства, въ цѣляхъ поддержанія мирныхъ отношеній съ этими государствами; другія возникли на почвѣ тѣхъ политическихъ измѣненій, которыя принесъ съ собою конституціонный строй. Въ большинствѣ законодательствъ еще не установилось вполне опредѣленнаго взгляда на эти посягательства, какъ на государственныя преступленія. Для наказуемости посягательствъ противъ иностранныхъ государствъ не вездѣ требуется наличность однихъ и тѣхъ же юридическихъ условій. Крайне не одинаковъ въ различныхъ законодательствахъ объемъ уголовной охраны, предоставленной законодательнымъ собраніямъ и тому избирательному процессу, путемъ котораго создается органъ народнаго представительства. Такимъ образомъ, обѣ эти группы преступныхъ дѣяній далеко не вылились еще въ законодательныя формы и находятся въ процессѣ образованія.

Данное нами опредѣленіе государственнаго преступленія, будучи болѣе или менѣе исчерпывающимъ обобщеніемъ существующихъ законодательныхъ постановленій о государственныхъ пре-

ступленіяхъ, само собою понятно, не обнимаетъ всѣхъ особенностей, свойственныхъ тому или другому законодательству. Изъ такихъ особенностей наиболѣе характерными являются двѣ: это — включеніе въ область государственныхъ преступленій обнаруженія умысла (англійское право) и распространеніе уголовной охраны не только на представителей верховной власти, но и на нѣкоторыхъ другихъ лицъ, каковы: члены царствующаго дома, лордъ-канцлеръ или даже англійскіе судьи во время исполненія ими своихъ обязанностей¹⁾.

Д. А. Червонецкій.

1) Пусторослевъ, Конспектъ, с. 151—153.

Оглавленіе.

Предисловіе П. П. Пусторослева.

Сочиненіе Д. А. Червонецкаго — „Государственныя преступленія по русскому праву“ : содержаніе сочиненія, намѣченное авторомъ, принятыя методы разработки и сдѣланная работа (стр. III).

Государственныя преступленія по русскому праву.

Д. А. Червонецкаго.

Введеніе.

Основныя черты историческаго развитія государственныхъ преступленій по русскому праву.

Тѣсная связь постановленій нашего дѣйствующаго уголовного уложенія о государственныхъ преступленіяхъ съ законодательными постановленіями прошлаго времени (с. 1).

I. Государственныя преступленія въ русскомъ уголовномъ правѣ до Артикула Воинскаго. § 1. Идея защиты общежитія въ постановленіяхъ древняго права о государственныхъ преступленіяхъ (1). Молчаніе Русской Правды о государственныхъ преступленіяхъ и постановленія Псковской Судной Грамоты и Судебниковъ объ этихъ посягательствахъ (3). § 2. Понятіе и категоріи государственныхъ преступленій по Соборному Уложенію (4). § 3. Расширеніе объема государственныхъ преступленій послѣ Соборнаго Уложенія (9).

II. Государственныя преступленія въ русскомъ уголовномъ правѣ ввремя отъ Артикула Воинскаго до Наказа Екатерины II. § 4. Особа „самовластнаго монарха“, какъ основной элементъ въ понятіи государственнаго преступленія по Артикулу Воинскому (13). § 5. Указанная практика о государственныхъ преступленіяхъ при Петрѣ Великомъ и въ послѣдующее время: появленіе „первыхъ двухъ пунктовъ“ и казуистика государственныхъ преступленій (14). Нѣкоторое смягченіе государственной борьбы съ государственными преступленіями (16). Положеніе государственныхъ преступленій въ проектахъ уголовного уложенія 1854—1766 гг. (20).

III. Государственные преступления въ русскомъ уголовномъ правѣ во времена отъ Наказа Екатерины II до Свода Законовъ Уголовныхъ. § 6. Теорія и практика государственныхъ преступлений при Екатеринѣ II (21). § 7. Провозглашеніе принципа законности въ области государственныхъ преступлений при Императорѣ Александрѣ I (25). Полевое Уголовное Уложеніе для Большой Дѣйствующей Арміи (25). Проектъ уголовного уложенія Россійской Имперіи 1813 года (26). Судебная практика (27).

IV. Государственные преступления въ русскомъ уголовномъ правѣ во времена Свода Законовъ Уголовныхъ и Уложенія о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ. § 8. Государственные преступления по Своду Законовъ Уголовныхъ (28). § 9. Государственные преступления по Уложенію о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ (29).

Общіе выводы историческаго обзора государственныхъ преступлений въ русскомъ уголовномъ правѣ. § 10. Основные характеристическія черты государственныхъ преступлений по русскому уголовному праву въ разныя времена его развитія (32).

Глава I-я.

Системы государственныхъ преступлений въ иностранномъ правѣ.

Исходные пункты классификаціи системъ государственныхъ преступлений (34).

A. Дѣйствующія культурныя иностранныя уголовныя законодательства и ихъ постановленія о государственныхъ преступленіяхъ.

I. Германскія законодательства и англійское право. § 1. Австрійское уголовное законодательство (36). § 2. а) Германское уголовное законодательство (38) и б) проектъ германскаго уголовного уложенія 1909 года (41). § 3. Венгерское уголовное уложеніе (42). § 4. а) Проектъ австрійскаго уголовного уложенія 1893 года (43) и б) проектъ австрійскаго уголовного уложенія 1909 года (45). § 5. Англійское уголовное право (47).

II. Code pénal 1810 года и родственныя ему законодательства. § 6. а) Французское уголовное уложеніе 1810 года съ послѣдующими измѣненіями (50) и б) бельгійское уголовное уложеніе, люксембургское и монахское (53). § 7. а) Испанское уголовное уложеніе (53) и б) португальское (55).

III. Законодательства Голландіи, Италіи и Норвегіи. § 8. Нидерландское уголовное уложеніе (56). § 9. Итальянское уголовное уложеніе (58). § 10. Норвежское уголовное уложеніе (60).

IV. Швейцарское и сѣверо-американское право.

§ 11. а) Швейцарское союзное уголовное законодательство (62) и б) уголовныя законодательства отдѣльныхъ Швейцарскихъ кантоновъ (64).
§ 12. Проектъ швейцарскаго уголовного уложенія 1908 года (64). § 13. Уголовное законодательство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (65).

Б. Общее понятіе государственнаго преступленія, съ точки зрѣнія иностраннаго права. § 14. Субъектъ государственнаго преступленія (66). § 15. Объекты государственныхъ преступленій (70). § 16. Преступное дѣяніе (73). § 17. Опредѣленіе общаго понятія о государственныхъ преступленіяхъ, съ точки зрѣнія дѣйствующихъ иностранныхъ культурныхъ уголовныхъ законодательствъ (77), съ указаніемъ двухъ наиболѣе характерныхъ особенностей, свойственныхъ различнымъ законодательствамъ (79).